

АНДРЕЙ
ТРОИЦКИЙ

**ЛЮБОВЬ,
ПОХОЖАЯ
НА СМЕРТЬ**

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Любовь, похожая на смерть

«Андрей Троицкий»

2011

Троицкий А. Б.

Любовь, похожая на смерть / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», 2011 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-48566-6

Алла Носкова попала в чудовищную ситуацию. Ее муж, бизнесмен Леонид Солод, убил женщину, как две капли воды похожую на Носкову. После чего начал на полном серьезе называть Аллу самозванкой и лить крокодиловы слезы по поводу кончины убитой женщины, как если бы та в самом деле была его жена. Мало того! Он хочет прибрать к рукам все, что принадлежит Алле. Знакомые Аллы из страха перед Солодом отказываются ее признавать, а те, кто готов это сделать, погибают. Но у девушки есть друг юности – преуспевающий адвокат Дмитрий Радченко. Его-то она и просит о помощи. А ради старой дружбы чего не сделаешь...

ISBN 978-5-699-48566-6

© Троицкий А. Б., 2011
© Андрей Троицкий, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Троицкий

Любовь, похожая на смерть

Глава 1

Электричка распахнула двери. Молодая женщина, замешкавшись в тамбуре, опустила в сумочку книгу в мягкой обложке и вышла на перрон. С темного неба сеялся мелкий дождь, в просветах между тучами появлялся и пропадал молодой месяц. Женщина ту же затянула пояс плаща, вытащив складной зонт, раскрыла над головой его красный купол.

Она оглянулась и увидела длинную человеческую тень, метнувшуюся от вагона в темноту кустов, разросшихся за оградой платформы. На мгновение страх, что она уже испытала этой ночью в пустом вагоне электрички, снова шевельнулся в душе. Вот что-то зашипело – это захлопнулись двери. Дернулись вагоны, поезд тронулся с места. Сигнальные огни пропали за пеленой дождя.

Женщина спустилась с платформы, по узкой асфальтовой тропинке дошагала до железнодорожных путей и посмотрела, нет ли поезда. Где-то далеко за поворотом загудел товарняк, задрожали рельсы. Опять показалось, будто за спиной появилась и пропала в кустах черемухи бесплотная тень. Перебежав на другую сторону железной дороги, женщина поднялась вверх по ступеням лестницы и зашагала по тропинке в сторону домов, скрытых за мокрыми тополями.

Здесь, в тени деревьев, где не было даже редких фонарей, темнота обступала одинокого прохожего со всех сторон. Треск ветки, сломанной порывом ветра, шорох прошлогодней листвы... Обычные звуки дождливой ночи наполняли новым зловещим смыслом. Кажется, что кто-то крадется где-то рядом, готовый выскочить из темноты и нанести смертельный удар, который оборвет человеческую жизнь. И она, истекая кровью, будет долго ползти к домам, к людям, на свет окон...

Женщина увидела два темных силуэта впереди, приближавшихся с пугающей быстротой. Замедлив шаг, она инстинктивно набрала в легкие воздуха, словно готовилась закричать. Уже хотела остановиться, когда донесся мужской голос.

– Отстань, я в порядке, – сказал человек, идущий навстречу. – Ты сама, того... Не упали. А то я тебя не найду... Дай поддержку.

– Ой, убери руки! Нашел место. Господи, хватит! Люди смотрят...

– Какие люди?

Послышался смех. Женщина отступила в сторону, пропуская, видимо, не совсем трезвую парочку, спешащую на последнюю электричку к Москве. На душе сразу стало легче и спокойнее. Пришла мысль, что надо бросить привычку читать в поздних электричках детективы.

Площадь, откуда по поселку разъезжались рейсовые автобусы, была пуста. Ни машин, ни пешеходов. В ближнем пятиэтажном доме светилось только одно окно. Женщина остановилась на кромке тротуара. Видимо, последний автобус уже ушел, ждать больше нечего, а такси тут и днем не бывает. Не беда. Нужно пройти по улице пять минут, потом свернуть во дворы и дальше напрямик – так она срежет большой отрезок пути. Еще раз оглянувшись, женщина зашагала по дороге мимо сквера.

* * *

Милиционер-водитель сержант Вадим Лошак, сидевший за рулем патрульной машины, опустил стекло и, пуская табачный дым, зевнул. Время шло медленно, накрапывал дождь, навевая смертную скуку, а взгляду на темной улице не за что было зацепиться.

Час назад патрульная машина съехала с Киевского шоссе, где несла ночное дежурство, и промчалась по улицам поселка. Остановилась под старыми липами в сквере возле станции. Сержант заглушил двигатель и выключил габаритные огни. Командир экипажа лейтенант Анатолий Савин разложил переднее сиденье, растянулся на нем и, подложив руку под голову, мгновенно заснул. Конечно, спать во время дежурства не полагается. Но у лейтенанта болеет годовалый ребенок: мальчик плачет ночами, Савин не спит вместе с женой и ребенком. За последние дни лейтенант совсем вымотался, и этот час отдыха нужен ему как воздух.

Лошак выбросил окурок, глянул на часы. Пора будить начальство. В это время он увидел длинноногую барышню в коротком плаще, под зонтиком шагавшую по дороге. Острым глазом он подметил, что девица хоть куда, – даже в этом плаще она выглядит как манекенщица на подиуме. Светлые волосы до плеч, а ходит профессиональной походкой модели, гуляя бедрами. Наверняка девица опоздала на последний автобус, можно подвезти ее до дома.

Он потеревил за плечо командира экипажа:

– Время, товарищ лейтенант, просыпайтесь...

Промежуток от сна до бодрствования занял секунду. Лейтенант принял вертикальное положение, поднял спинку сиденья.

– Чего тут?

– Девка пошла симпатичная, – вздохнул сержант. – Думал, может, подбросим. Вдруг вижу: за ней уже какой-то мужик увязался. Здоровый такой. Идет в тени деревьев. Надо бы документы проверить, а?

– А девица где? – зевнул лейтенант.

– Уже пропала куда-то. Видно, за угол дома свернула.

– Езжай по улице, – приказал лейтенант. – Габариты не зажигай, рацию выключи.

Машина медленно выкатилась из сквера, свернула на дорогу, проехала метров пятьсот и снова встала. Сержант всматривался в ночь, но на дороге не увидел ни девушки, ни ее преследователя. Видимость плохая, дождь заливал лобовое стекло, а ближайший фонарь где-то далеко, у поворота.

– Ну, и где твоя краля? Пока я спал, и ты, наверное, того... Тоже сон увидел. С элементами эротики.

– Я клянусь, – прошептал уязвленный Лошак. – Девушка – высший пилотаж.

– Тогда давай вперед, медленно.

Лицо лейтенанта сделалось напряженным, и голос как-то изменился. Он достал с заднего сиденья фуражку и натянул ее на голову. Затем расстегнул тугую застежку кобуры и, вытащив пистолет, передернул затвор и поставил курок в положение боевого взвода. Машина доехала до конца улицы и остановилась на повороте. На другой стороне горел фонарь, вырывавший из темноты чахлые тополя и пустой тротуар. Несколько секунд лейтенант раздумывал, в какую сторону поворачивать. Молча махнул рукой – мол, давай направо.

Через пару минут доехали до бетонной плиты, лежащей поперек проезжей части и загромождающей проезд. Впереди траншея, пересекавшая улицу наискосок, под острым углом. И предупреждающий знак: «Осторожно. Дорожные работы». Даже если бы та девушка вдруг побежала со всех ног, сюда от станции ей так быстро не добраться.

– Значит, она свернула налево, – сказал Савин. – Включай фары. Разворачивайся. Живо. Сержант вывернул руль и нажал на газ.

* * *

Дима Радченко пришел в известный нью-йоркский ресторан – тот самый, что смотрит витринами на каток с искусственным льдом, – раньше условленного времени. После тридцатипятиградусной жары тут можно перевести дух. Кожей чувствуешь дыхание весны, только что

ландыши не распускаются. Седовласый метрдотель в синем двубортном костюме с золотыми пуговицами улыбнулся так, что стало понятно: он ждет именно Диму.

– Мистер Радченко, прошу за мной, – сказал он и с достоинством проследовал через пустой зал к столику у витрины. Навстречу поднялся мужчина лет шестидесяти пяти с крупными чертами лица – Носков. Он был одет в темно-серый костюм, несколько консервативный, зато отлично скрывавший недостатки фигуры. Радченко подумал, что такой костюмчик не купишь даже в мужском бутике на Пятой авеню. Его можно сшить у всемирно известного портного, фотографии которого печатают европейские журналы мод. Правда, есть пара неудобств: костюм стоит бешеных денег, а на примерки придется летать в Лондон. Гардероб мужчины дополняли часы из белого золота и яркий галстук с заколкой, в которой красовался крупный алмаз.

– Чертовски рад познакомиться, – улыбнулся Носков. – Ну, я тебя таким и представлял. Присаживайся, сынок.

Радченко тряхнул протянутую руку. И подумал, что стельки ботинок Носкова стоят дороже, чем его костюм, галстук и портфель с бумагами.

– Как перелет, тяжело?

– Все в порядке. Просто сразу трудно привыкнуть к большой разнице во времени. Здесь всего пять часов, а в Москве уже за полночь.

– Уже завтра освоишься, – сказал Носков. – Как тебе Нью-Йорк?

– Ну, я тут четвертый раз, – сказал Радченко. – И всегда много работы. За три прошлых приезда нигде не был. И ничего не видел, кроме деловых бумаг.

Откуда-то доносилась тихая музыка, вариации на тему мюзикла «Мамма миа». За витриной, на катке из искусственного льда, отделенном от ресторана только невысоким бортиком из прозрачного плексигласа, кружили парочки. Казалось, кто-нибудь вот-вот поскользнется, упадет и въедет прямо в витрину, размолив коньками зеркальное стекло.

На лед выкатилась темнокожая красотка в белом трико и короткой прозрачной юбочке. Она встала возле бортика катка, как раз напротив столика, словно именно в этом месте собралась размяться. Но вместо разминки закружилась на месте, подняв кверху руки. Остановившись, взглядела в стекло витрины и послала воздушный поцелуй сначала Носкову, затем Радченко. Сделала пару смешных неуклюжих движений, словно подражала начинающим фигуристам, и, расставив ноги, растянулась на льду. Медленно поднялась, показывая, что упала она неудачно. Но тут же засмеялась, снова послала мужчинам воздушный поцелуй. И начала танцевать в такт музыке, игравшей в зале.

Носков сделал знак невидимому официанту.

– Посмотри пока меню, – сказал он. – Тут хорошая французская кухня. На горячую закуску я заказал тебе трюфели и жаркое из птицы. Лично я предпочитаю простую еду, ту, что едят американцы. Хорошо прожаренный стейк, бобы в сладком соусе с луком, на десерт сырный пудинг. О чем-то хочешь спросить?

– Почему во всем ресторане только вы и я?

– Я арендовал зал. Не люблю, когда вокруг крутится народ и мешает вести разговор.

Дима хотел сказать, что для разговора не понадобится много времени, но промолчал. Он долго листал меню, наконец выбрал горячее блюдо и свое любимое вино. Появилась девушка, похожая на стюардессу, выигравшую конкурс красоты. Выслушала заказ, но ничего не записала в блокноте. Только улыбнулась и ушла.

– В твоём распоряжении мой лимузин, – продолжил Носков. – У меня есть вертолет, яхта. Довольно приличная. В аэропорту Джерси – прогулочный самолет. Через два-три часа ты можешь, если захочешь, оказаться в Канаде. Или на юге Америки. А вертолет – на тот случай, если появится желание увидеть Нью-Йорк сверху. Вид на Манхэттен – лучшая урбанистическая картина в мире.

– Спасибо. Буду иметь в виду.

– Когда отправишься по магазинам, возьми с собой мои визитные карточки. Они на письменном столе в гостиничном номере. Просто оставь управляющему вместо денег мою визитку. Чтобы он знал, куда прислать счет. Не стесняйся в расходах.

– А если...

– Если возникнут особые пожелания? Тогда звони в любое время суток моему секретарю Стасу Гуляеву. Ну, который вчера встречал тебя в аэропорту. Он все устроит. Очень толковый малый.

Носков повернул голову, из-за дальнего столика поднялся статный мужчина в темном костюме и белой сорочке. Он помахал рукой Радченко. Потом сел на место, развернул газету и поднес к губам кружку с пивом.

– Нет. Если в нашей конторе узнают о том, что я воспользовался каким-то из ваших предложений, то я потеряю работу, – ответил Радченко. – У нас запрещено злоупотреблять гостеприимством клиентов. То, что я живу в номере за две тысячи баксов в сутки, который снят на ваши деньги, – это не против правил. Но шопинг за счет клиента – это уж слишком.

– Но ты ведь не государственный чиновник, а я не взятку сую, – усмехнулся Носков. – И еще: ты не просто сотрудник адвокатской фирмы, которая ведет мои дела в России. Не просто юрист. Простому юристу со мной трудно встретиться. Ты старый друг моей любимой дочери.

Радченко подумал, что с дочерью Носкова Аллой они никогда не были близкими друзьями. Просто приятели. Когда-то вместе проводили время в байкерском клубе «Триумф», гоняли на мотоциклах и наслаждались жизнью. А потом Алла вышла замуж и стала появляться в клубе все реже и реже. А потом совсем пропала.

Носков быстро съел порцию салата и, отщипнув кусок картофельного хлеба, вытер им тарелку. Заметив любопытный взгляд гостя, сказал:

– Надо мной смеются, что я, не самый бедный человек в этом городе, тарелки хлебом вытираю. Но пусть с мое поживут. Долгие годы я работал на Крайнем Севере, на Колыме. Руководил самой большой по тем временам артелью. Мыли много золота, а с питанием случались перебои. Бывало, голодали. А рабочие на приисках – ребята крутые. Как на подбор бывшие заключенные – грабители, убийцы... Им человека пришить – что высморкаться. Иногда случалось, что корка хлеба весила больше человеческой жизни. Так-то... Давно я уехал с Севера. А та привычка на всю жизнь сохранилась. Не могу оставить на тарелке ни крошки.

* * *

Темной дождливой ночью строитель Ахмед Абаев возвращался с работы в крошечную комнату, которую он снимал у знакомой старухи. Он шагал по улице в сторону железнодорожной станции и думал о несчастливой судьбе рабочего человека, простого каменщика, у которого на свете нет ничего, кроме двух рук и трудовых мозолей. Если, конечно, не считать отложенные на старость деньги и многочисленную родню.

Так получалось, что девять лет кряду Ахмед вместе с бригадой рабочих каждую весну приезжал из солнечного Азербайджана в Москву. И без труда находил работу по строительной части. Осенью он надевал пиджак, карманы которого были набиты деньгами, и садился в поезд. По возвращении месяц пьянствовал в новом доме у молодой жены, совсем юной девушки, за которую он отвалил добрый калым: трех верблюдов, десяток овец и еще триста долларов деньгами. Немного отдохнув, отправлялся в столичный город Баку, где под одной крышей семейного дома жили средняя и старшая жены и его дети. А в отдельном сарайчике без удобств – старики-родители.

Но два последних года с работой стало туго. Расценки упали, дружная когда-то бригада строителей развалилась. Жены начали ворчать, а дети перестали слушаться. И то хорошо, что

в этом году удалось подрядиться простым каменщиком на строительство загородного дома. Правда, заработки невелики, пахать заставляют от зари до зари, без выходных и перекуров. Вот и сегодня после смены пришла машина с грузом, и хозяин не разрешил строителям разойтись, пока не перетаскали все доски под крышу.

Ахмед не замечал дождевых капель, стекавших за воротник рабочей куртки. Он шагал по узкой улице вдоль домов с темными окнами и мечтал об одном: упасть на железную кровать и проспать шесть часов. Завернул за угол дома – и вдруг остановился, едва не споткнувшись о красный зонт, плавающий в луже. Раскрыл рот от изумления. Не веря своим глазам, нагнулся – и разглядел на мокром асфальте молодую женщину, лежавшую на боку. Светлые волосы слиплись в мокрые сосульки, синий короткий плащ распахнут. Платье разошлось на груди, юбка задрана так высоко, что видны загорелые бедра и белая полоска трусиков.

Ахмед, знавший толк в баранах, верблюдах и женщинах, механически отметил, что девица, кажется, натуральная блондинка. Она не красит волосы, как его младшая жена. В Баку блондинку не найдешь днем с огнем. Губы Ахмеда сделались сухими, а сердце забилось часто. Что тут могло произойти? Одно из двух: или женщину сбила машина, выскочившая из подворотни, или она неловко упала, подвернув ногу и сломав высокий каблук. А потом ударилась головой об асфальт. Или пьяная? Он похлопал женщину ладонью по щеке. Та открыла глаза и тихо застонала. Из носа выкатилась и размазалась по щеке капелька крови.

– Такая красивая девушка, – Ахмед огляделся по сторонам, но не увидел ничего, кроме густой пелены дождя. – И вдруг в грязи валяешься. И голая почти. Стыдно так лежать, да... Нехорошо это. Совсем плохо. Как свинья, честное слово. Ничего, я помогу... Хорошо, никто не видел. Ничего... Я помогу...

Ахмед подобрал сумочку на длинном ремешке и сунул ее под куртку, успев подумать, что документы, если они там, уже наверняка промокли. Низко наклонившись, подхватил девушку крепкими рабочими руками, оторвал от земли и, затащив свою ношу в подворотню, положил тело на сухой асфальт.

* * *

Радченко ел трюфели в белом соусе, запивая горячую закуску полусладким трехлетним бордо. И думал, что демонстрирует хозяину стола плохой вкус. Это блюдо положено употреблять с сухим белым вином. Он поглядывал на темную танцовщицу за стеклом витрины. Переводил взгляд на Носкова: тот уже успел проглотить половину огромного стейка с жареной картошкой. Наконец отложил нож и вилку, посмотрел на часы, сказал:

– Бежит время... Ну, буду краток. Суть поручения ты уже знаешь. Моя дочь сейчас разводится со своим мужем Леонидом Солодом. Это бизнесмен, который значительно старше ее. Впрочем... Не хочу о нем говорить. Досье на Солода тебе принесут. Разделом имущества занимаются другие юристы. А тебя бы я попросил присмотреть за Аллой, когда она вернется в Москву. Не оставляй ее в трудную минуту. Помогите советом и вообще... Будь рядом. Она живет отдельно от мужа, в своей московской квартире. Последнее время друзей у нее почти не осталось – так хотел Солод. Сейчас ей нужен человек, на которого можно положиться. Ты давно с ней виделся?

– За последние пару лет – всего однажды, – ответил Радченко. – Мы пообедали в кафе. Она расспрашивала меня о работе. О себе сказала, что у нее очень ревнивый муж. И что она увлеклась восточной медициной. Помогает одному вьетнамскому лекарю открыть практику в Москве.

– Помочь вьетнамскому лекарю... Это на нее похоже. Да, Алла так и не нашла себя в жизни. Я хотел, чтобы она перебралась сюда. Но дочь не думает уезжать из России. Это ее право. Наши отношения последнее время были непростыми. Она во мне не нуждается. А я

нуждаюсь в ней. Но Алла не дает себя любить. Во время последней вашей встречи она что-нибудь рассказала о себе?

– Я понял, что она придерживается левых убеждений. Презирует буржуазный образ жизни. К деньгам равнодушна. В личной жизни счастья не нашла. Считает свое замужество ошибкой. Простите, но я должен об этом знать. Здесь, в Нью-Йорке, случилась скверная история...

Носков сделал знак рукой, и темная девушка, танцевавшая на льду, закончила свои упражнения и, смешавшись с посетителями катка, пропала из вида.

– Алла позвонила мне пару месяцев назад и попросила организовать в Америке гастроль человека, которого полюбила, – сказал он. – Полюбила первый раз в жизни. Это некто Максим Карлов, самодеятельный поэт и композитор. Он читает стихи, исполняет песни под гитару. Впрочем, теперь о Карлове надо говорить в прошедшем времени. Тогда Алла плохо понимала, о чем просит. Это в российской глубинке можно расклеить афиши: у нас в гостях мировая знаменитость – и аншлаги обеспечены. А тут свои самодеятельные исполнители выступают на улице. Пройдись по Бродвею – обязательно встретишь десяток таких парней. Здесь никто не знает русских артистов. Они никому не интересны.

– Я знаю, что Максима Карлова убили во время гастроль в Нью-Йорке. Неизвестные нанесли ему удар ножом в шею.

– Дело было ночью в Центральном парке, – кивнул Носков. – В тот вечер Карлов закончил последнее выступление. И решил полежать на траве или подышать свежим воздухом... Нет, я не с того начал. Надо начать с гастроль. Я нанял толкового промоутера. Тот устроил певцу тур по городам, где живет много русских. Где хоть кто-то придет посмотреть на него. Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Бостон, Чикаго, Нью-Йорк. В тот вечер был последний концерт. Не понимаю, что понесло Карлова среди ночи в Центральный парк. Но все кончилось кровью. Трупом, который утром нашли полицейские. Тело лежало неподалеку от входа в парк, на берегу озера. Труп отправили в Москву. Похороны состоялись две недели назад на Хованском кладбище. Говорят, народу было немного. Алла осталась здесь. Она впала в глубокую депрессию, потому что слишком близко к сердцу приняла смерть этого человека. Я хочу, чтобы ты с ней поговорил. По-товарищески. А потом ты с моим секретарем Стасом Гуляевым проводишь Аллу в Москву.

– А где она сейчас?

– В больнице. В отделении для людей с душевными расстройствами.

* * *

Ахмед Абаев еще раз отметил про себя, что женщина – будто с журнальной картинки: красавица, а уж фигура – просто закачаешься. Он вытащил из-под полы куртки дамскую сумочку, раскрыв застежку, неторопливо проверил все отделения. Документов нет, зато много косметики. В кошельке толстая стопка рублей, двести долларов двумя купюрами и пластиковая карточка. Ахмед перевел дух, сунул деньги и карточку в потайной карман куртки. Сумку бросил под ноги. Присев на колени, поцеловал женщину в пухлые губы. Поцелуй получился таким сладким, что Ахмед зажмурился от удовольствия. Он выше задрал юбку, горячими пальцами ощупал тугие бедра и грудь.

– Нехорошо, да, – прошептал Ахмед, чувствуя, что дыхания не хватает. Все его существо охватывает возбуждение, бороться с которым нет ни сил, ни желания. – Ведь могли увидеть... Хорошо, я проходил. А то ведь что получается... Тут народ такой, нехороший тут народ. Я сейчас, ты подожди...

Он бормотал еще что-то бессвязное, не соображая, что именно говорит и к кому обращается. Пальцы быстро расстегнули ремень, брюки сами приспустились. Обнажились кальсоны,

не очень свежие. Ахмед огляделся по сторонам. Арка вела с улицы на темный двор старого трехэтажного дома. Тут и в ясный день никого не встретишь, а уж ночью и подавно. Можно не спешить, он никуда не опаздывает. И готов принять этот подарок создателя. Ахмед что-то шептал и возился с веревкой, на которой держались кальсоны.

Не сразу разберешь, что сквозь шорохи дождя пробиваются какие-то новые звуки, похожие на быстрые шаги. У входа в подворотню со стороны улицы остановились два человека. Ахмед обернулся и до боли прикусил губу. По контурам фигур, по картузам на головах понятно с одного взгляда – это менты.

– Стоять! – закричал один из милиционеров. – Ни с места...

Ахмед успел вскочить на ноги, сердце от страха перестало биться. Потом заколотилось в каком-то бешеном темпе.

– Это вы мене... Это для мене... Это мне? – Ахмед обеими руками придерживал расстегнутые штаны, чтобы не свалились. Он нарочно коверкал русские слова, стараясь выгадать несколько лишних секунд. – Я по-русски плохо понимать... Совсем плохой...

– Стоять, тварь! К стене. Или стреляю!

Ахмед и вправду плохо понимал, откуда в подворотне среди ночи появились эти шакалы. Видно, почуяли запах падали или запах денег. Он попятился спиной в сторону двора, подумав, что он не притронулся к этой проклятой бабе. На самое интересное приключение просто времени не хватило. Но от этого не легче. Менты разбираться не станут, выбьют из него признательные показания. Статья об изнасиловании, можно сказать, уже в кармане. А к изнасилованию доведет статью о разбое, нанесении телесных повреждений женщине... А насильник в тюрьме может до суда не дожить. Или местные уголовники голову открутят, или следователь до смерти забьет во время допроса.

– Я... Я стою, – сказал он, продолжая пятиться в темноту. – Стою я...

Ловкими пальцами Ахмед застегнул пуговицу брюк. Один из ментов в нерешительности топтался на месте, второй сделал шаг вперед, поднял пистолет, сделал предупредительный выстрел.

– Я сказал: к стене. Слышал?

– Кто, я? – переспросил Ахмед, будто вокруг было много других людей. – Я слышал...

Дальнейшие события произошли так быстро, что Ахмед толком ничего не понял. На асфальт легла длинная человеческая тень. Милиционеры в недоумении оглянулись назад. Оттуда, со стороны улицы, ударила короткая автоматная очередь. Сержант Лошак переломился в пояснице и рухнул на асфальт, не успев даже вскрикнуть. Лейтенант Савин выстрелил второй раз, но снова нецельно, куда-то вниз, будто целился в лужу или в бордюрный камень. В следующее мгновение автоматная очередь разорвала его грудь, уложив на месте.

Одна из пуль, предназначенных милиционеру, чиркнула по ляжке Абаева. Приволакивая раненую ногу, Ахмед пропал в темноте. Несколько минут он ковылял по незнакомым дворам, падал, поднимался и медленно шел дальше. Наконец разорвал рубаху, перетянул раненую ногу матерчатым жгутом. И долго лежал в каком-то сквере под кустом боярышника, набирался сил, готовясь идти дальше. Дождевые капли падали на лицо, ночной холод пробирал до костей. Но в душе играла музыка. Кость не задета, рана пустяковая, даже боли не чувствуется. Заживет как на собаке.

А вот чудесное спасение от милиционеров, от тюремной камеры, от следствия и суда, а затем от пуль бандитов – это все равно что второе рождение. Такое случается один раз в жизни. И то не у каждого человека.

Он слизал с губ капли влаги, сел на мокрую землю, уже хотел встать. Но тут вспомнил огромного детину в плаще, с автоматом в руках. И передернул плечами – то ли от страха, то ли от холода. А вдруг тот амбал все же заметил Ахмеда в темноте арки? Вдруг запомнил

несчастливого строителя? Нет, не может такого быть. Слишком уж темная ночь, да и льет как из ведра.

Ахмед с трудом поднялся и, припадая на раненую ногу, медленно пошел дальше.

Глава 2

Ранним утром майор милиции Юрий Девяткин приехал на место происшествия на оранжевом «Форде». Он надеялся, что его новая машина, особенно ее вызывающе-яркий желтый цвет и спортивные спойлеры произведут должное впечатление на коллег, но все вышло иначе. Девяткин опоздал, потому что простоял в пробке более часа. То место, где удалось припарковаться, было закрыто от взглядов деревьями и кустами. Чувствуя, что настроение безнадежно испорчено, Девяткин перешел дорогу, углубился в парк и, показав служебное удостоверение милиционерам, стоявшим в оцеплении, наконец дошагал до места.

Труп женщины лежал на широком газоне, заросшем травой, поникшей от ночного дождя. Справа, насколько хватало взгляда, тянулся забор из железных прутьев, отделявший территорию Академии ветеринарной медицины от тротуара и жилых домов. В ранний утренний час здесь, в старом парке, окружавшем академию, случайных прохожих почти не было. Только за дальними деревьями топтался мужчина, выгуливавший собаку. И еще старуха в длинном, теплом не по погоде пальто стояла на пустой дороге, проходящей через весь парк. Она тихо разговаривала сама с собой, механически кивала и поглядывала на милиционеров.

Девяткин поздоровался с молодым и румяным фотографом. Потряс руку седовласого сутулого человека в поношенном костюме и очках с толстыми стеклами, эксперта-криминалиста Усова, которого свои называли просто: дядя Вася.

– Ну что, видел, как «Спартак» разделал твое «Динамо»? – спросил Девяткин эксперта. – Под орех. Просто втоптал в газон. Да, дядя Вася... После такого поражения уважающий себя тренер подал бы в отставку. Или просто удавился в раздевалке. Прямо на стадионе.

– Ты, Юра, кажется, настроен только глупости болтать, – на щеках Усова неожиданно проступил румянец, будто ему надавали пощечин.

– А что тут глупого? – удивился Девяткин. – Мы бы с тобой выехали на место происшествия. Осмотрели холодный труп тренера. И заявили болельщикам и корреспондентам с телевидения, что его смерть – ненасильственная. Сам на себя руки наложил. Потому что совесть замучила. Хотя... Кого в наше время мучает совесть? За всю страну, конечно, не скажу. Но в Москве уж точно – никого.

Девяткин присел на корточки возле тела, заглянул в полуоткрытый рот, шариковой ручкой сдвинул с места распухший синюшный язык. Увидел в полости рта сломанный зуб, пятый верхний, и темные, почти черные, сгустки крови. Он согнул в локте руку женщины, затем отпустил и стал смотреть, как рука сама разгибается. Наступило трупное окоченение – значит, со времени смерти прошло не менее четырех-пяти часов. Вероятно, женщину ударили чем-то тяжелым по затылку, оттащили сюда...

– Вчерашний матч – непоказательный футбол, – сказал Усов. – Все три гола – случайность. Наш вратарь вышел с травмой. Центральный защитник только второй раз выступал в основном составе...

Эксперт поморщился, давая понять, что разговор о поражении «Динамо» берedit большую душу старого футбольного фаната. А собеседник прекрасно знает об этой душевной травме, но нарочно сыплет соль на рану. Кажется, Девяткин и на место происшествия приехал, чтобы потреться о футболе и позлить своего всегдашнего оппонента. А Усов слыл среди милиционеров великим футбольным специалистом.

– Один гол – случайность, а три – уже закономерность, – парировал Девяткин. – Так-то, старина...

– Когда «Спартак» торчал в глубокой заднице, я не злобствовал, – Усов протер запотевшие стекла очков. – А ты изгаляешься... Кстати, «Динамо» – милицейский клуб, наш ведомственный. А ты почему-то болеешь за «Спартак», который...

– Я болею за хороший футбол, – ответил Девяткин. – А не за ведомственные интересы.

Прищурившись, он окинул взглядом фигуру женщины. На вид лет двадцать пять, овальное лицо, светлые волосы до плеч. Длинные ноги, красивая фигура – спортивная и в то же время женственная. Короткий плащ распахнут, платье разорвано на груди, подол задран так высоко, что видны светлые трусики. На ногах серые туфли с лаковым верхом, правый каблук сломан.

При жизни эту барышню наверняка называли красавицей. Теперь от бывшей красоты мало что осталось. Лицо разбито, на пухлых чувственных губах запеклась кровь. Девяткин потрогал нос и убедился, что тот сломан в основании. Просунул руку под голову, ощупал затылок и почувствовал, как, тихо потрескивая, движется под кончиками пальцев раздробленная ударом затылочная кость.

– Не обижайся, дядя Вася, – сказал он. – Я не о том толкую, что «Динамо» проиграло. С каждой командой может такое случиться. Просто проигрыш – безвольный. Принесли победу на блюдечке, отдали... И еще спасибо сказали.

– Ты уж не загибай, Юра, – покачал головой Усов. – У «Динамо» график неудачный. Три игры подряд с сильным соперником.

– Сейчас для них каждый соперник – сильный. Скажи уж прямо: играть разучились.

* * *

Девяткин расстегнул кожаную сумочку, валявшуюся на траве. Денег, разумеется, нет. Косметика, чехол от зонтика из красной синтетической ткани. В среднем отделении – зеркальце и раздавленные солнечные очки. Вероятно, события этой ночи развивались так. Женщину, проходившую по территории парка, ударили по затылку молотком или куском металлической трубы, что валяется неподалеку. Оттащили тело подальше, в кусты, чтобы случайные прохожие ничего не заметили. Возле пешеходной дорожки грунт немного примят – там женщина упала. От того места острый каблук ее туфли прочертил по траве почти прямую линию. Здесь грабитель или грабители покопались в сумочке жертвы, в карманах плаща. Забрали все, что представляло какую-то ценность.

Возможно, действие развивалось иначе. Злоумышленник шагал навстречу жертве. Остановился, что-то спросил. И нанес сильный неожиданный удар кулаком в лицо. Уже в кустах, когда женщина неожиданно пришла в себя и хотела закричать, проломил ей голову обрезком трубы. Собственно, все это нюансы, они не меняют сути дела.

Девяткин поднялся на ноги, огляделся вокруг и вопросительно посмотрел на Усова.

Эксперт покачал головой.

– изнасилования не было, – сказал он. – Судя по температуре тела, смерть наступила между часом и двумя часами ночи. Причина – закрытая черепно-мозговая травма, повлекшая отек мозга. С полуночи до пяти утра шел дождь. Слепки следов сделать не удалось. Грунт слишком вязкий, на таком отпечатки не держатся. Остальное прочитаешь в рапорте.

– Точно, шел дождь, – Девяткин задумался. – Чехол от зонтика в женской сумочке. А зонтика я не вижу. Это первое странное обстоятельство. Второе: что молодой привлекательной женщине делать в этом парке дождливой ночью?

– А сам чего скажешь?

– Что тут скажешь? – вздохнул Девяткин. – Дело ясное, что дело темное. Местная шпана постаралась. Но скорее всего, муж. Или любовник. Забил бабу до смерти от ревности или по пьяной лавочке. Затем вывез тело сюда. Место подходящее, ночью безлюдное. Инсценировал ограбление...

* * *

Ровно в полдень Радченко вышел из гостиницы и сел в белый шестидверный «Линкольн», подкативший к парадному подъезду. На заднем сиденье развалился секретарь Носкова Стас Гуляев. Сегодня он был одет не в темный костюм, а в шорты цвета хаки, теннису на трех пуговицах в желто-розовую полоску и белые мокасины на босу ногу. Он тронул водителя за плечо и сказал, что они едут навестить дочку босса. Машина двинулась вперед, Стас открыл мини-бар и спросил, что пьет Радченко в полдень.

– Не хочу дышать на Аллу перегаром, – сказал Радченко. – И еще. Если я стану напиваться с утра пораньше, то плохо кончу. Для начала лишусь работы, затем от меня уйдет жена... И так далее.

– Зачем тебе жена? – Стас не боялся показаться циником. – Пусть уходит. А ты купи посудомоечную машину. Это проще и дешевле.

Он достал из бара запотевшую бутылку и открыл пробку. Запрокинув доннышко кверху, хлебнул пива.

– Мне до лампочки, утро сейчас или вечер, – сказал он. – И неважно, чем от меня пахнет. Главное, что боссу сегодня я не понадобится. Кстати, ты напрасно надел костюм. Мы не на похороны собрались.

– У меня в чемодане не нашлось шортов и тенниски. А жаль. Я неплохо бы смотрелся в таком наряде. Ну, с голыми ногами и портфелем в руках.

– Вижу, ты, старина, не обделен чувством юмора? Это хорошо. Кстати, когда я увидел тебя в первый раз, сразу решил, что ты не похож на юриста. Есть в тебе что-то такое... Человеческое. Прости, я, как и все американцы, недолюбливаю адвокатов. И в то же время не могу без них обойтись. Такой парадокс.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Радченко.

– О тебе я знаю почти все. Как пишут в анкетах: из семьи служащих. Служил в батальоне специального назначения морской пехоты. Награжден медалью «За отвагу», имеешь кучу благодарностей командования. Отличник боевой подготовки, принимал участие в локальных конфликтах. После армии окончил юридический факультет Московского университета. В адвокатской конторе «Саморуков и компаньоны» на хорошем счету. Специализируешься на уголовных делах. Выиграл несколько громких процессов. Хороший семьянин, есть ребенок. Увлекаешься мотоциклами, имеешь десяток дорожных и спортивных байков. Имущественное положение... Ты на полпути между богатством и бедностью. Ближе к богатству. В политике придерживаешься либеральных принципов. Ну, в точку?

– Почти. А я о тебе почти ничего не знаю.

– Послушай, если интересно. Прибыл сюда из Москвы, когда мне исполнилось девять лет. Поэтому говорю по-английски сносно. Те дети, что попадают сюда чуть позже, в одиннадцать-двенадцать лет, не могут избавиться от акцента всю жизнь. После школы отбарабанил три года в бюро переводов и в других конторах. Потом жизнь свела меня с боссом. Выполняю его поручения. У меня дом с четырьмя спальнями на побережье, на Стейтен-Айленд. Там же гараж на четыре машины. Плюс бассейн и летняя веранда. И еще – хорошая кредитная история. У меня нет долгов и нет жены. Словом, я почти счастливый человек.

– Чего не хватает для полного счастья?

– Больших денег. И апартаментов на Манхэттене. Скажем, в районе Мэдисон-сквер-гарден. Или северной части Центрального парка. Цена моей мечты – от четырех до восьми миллионов баксов. Еще несколько лет работы со стариком – и мечта сбудется.

– Тогда пригласишь на новоселье.

– До больницы еще около часа езды, – Стас бросил пустую бутылку под ноги. – Это в Нью-Джерси. Ну, чтобы не терять времени, коротко обрисую ситуацию. Может, старик в разговоре чего упустил...

* * *

Стас скороговоркой выпалил, что с первого до последнего дня сопровождал Аллу и покойного ныне певца во время гастрольного тура. Таскал чемоданы, водил их по ресторанам, торчал на концертах. А потом присутствовал на опознании тела Карлова в судебном морге. Да, смерть его стала для Аллы настоящим ударом. На вкус Стаса, в этом певце не было ничего или почти ничего такого, что нравится женщинам. Высокого роста, худощавый, с вытянутым лицом. Раньше срока наметились лобные залысины. Лицо могло показаться скучным, неинтересным, если бы не живые серые глаза и ироническая улыбка. Он неплохо играл на гитаре и пел так, что уши слушателей не увядали, как осенняя листва. Хотя голос так себе. Карманный, для домашнего пользования.

– И еще он был молчаливым, – добавил Стас. – Как индийская гробница. Помню, как-то в гостинице я зашел к ним в номер потрепаться. С собой у меня была бутылка скотча. Алла спустилась в торговый центр, и мы с ним просидели вдвоем целый час. Так вот, пятьдесят семь минут говорил я. А все остальное время – он.

Стас высыпал в рот горсть орешков, помолчал и сказал, что Алла была привязана к этому субъекту; говоря прямо, она его любила. И была готова на любые безрассудства, лишь бы оставаться рядом с Карловым. Теперь сложно и бессмысленно разобраться в ее чувствах, потому что женские чувства – это некая субстанция, которая не поддается анализу. Факт, что после трагической гибели Карлова она терзалась чувством вины. Гастрольный тур по Америке – это ведь ее затея. И организовал всю эту байду ее отец. Если разобраться, вины Аллы, даже косвенной, тут нет. Но все же...

Русское консульство уладило все формальности, тело самолетом отправили в Москву. В это время Алла сидела в гостиничном номере и лила слезы. У нее не осталось душевных сил, чтобы сопровождать покойного певца. Она натурально завяла, как цветочек в пустыне. Потом впала в депрессию, пять дней ничего не ела, ни с кем не разговаривала, не выходила из номера. А жила она не в «Хилтоне» – во второразрядной гостинице в Бруклине. Все эти дни Алла пребывала в каком-то странном оцепенении, сутками сидела на койке, тарашилась на противоположную стену, будто телевизор глядела. Отец дважды навещал ее.

На восьмой день старик забеспокоился всерьез и решил, что шутки кончились. Алла может напустить в ванну горячей воды, насыпать соли, помыться, а потом перерезать себе вены. Он серьезно занервничал. Понятно, под угрозой жизнь единственной дочери, позднего ребенка, на которого они с покойной женой всю жизнь молились.

После разговора с отцом Алла не стала возражать против госпитализации. Казалось, она боялась себя. Выслушала отца и сказала, что так, наверное, будет лучше. Правда, поставила одно условие: это должна быть обычная муниципальная больница, а не частная клиника для детей миллионеров, спятивших от развеселой жизни. И на этот раз она оказалась в своем репертуаре: не упустила случай подчеркнуть, что не выносит тепличных условий, что она сама себе хозяйка. И не нуждается в особом отношении врачей, которое можно купить за отцовские деньги.

Похоже, страхи Носкова были не напрасными. Когда приехала «Скорая» и Аллу вынесли из гостиницы на носилках, она выглядела неважно. Краше в гроб кладут. В больнице ее напичкали транквилизаторами, она проспала почти трое суток. Потом вроде как стала понемногу приходить в себя. Врач говорит, что Алла не страдает тяжелыми психическими заболеваниями, паранойей или шизофренией. Она не эпилептик, в крови не обнаружены наркотические

вещества или галлюциногены вроде LSD. Любой человек с неустойчивой психикой может слететь с нарезки в результате тяжелой эмоциональной травмы и мнимого комплекса вины. Нужно правильно подобрать лекарства и запастись терпением.

Аллу держат в больнице две недели, босс хочет, чтобы дочь осталась там еще дней на десять. Но здесь не лечат здоровых людей, даже если это лечение оплачено вперед. Короче, скоро Аллу выпишут. Она собирается сразу же вылететь в Москву, ни в какую не желает задерживаться в Штатах ни на день. Тут старик ничего не может сделать. Или просто играет в деликатность. Он просит, чтобы еще пару недель рядом с дочерью были люди, которым он доверяет. Поддержали Аллу морально, позаботились о ней, если опять начнутся эти странные приступы. Еще старик думает, что в депрессию Аллу вгоняет затянувшийся бракоразводный процесс.

* * *

Девяткин встретился взглядом со своим первым помощником и другом старшим лейтенантом Сашей Лебедевым, прибывшим на место происшествия одним из первых.

– А что накопал мой лучший оперативник? – улыбнулся Девяткин.

Физиономия старлея оставалась кислой, он топтался в стороне и думал о том, что суточное дежурство закончилось полтора часа назад, в шесть утра. Но рабочий день наверняка затянется до обеда. И он не успеет на очень важную тренировку по классической борьбе. Лебедев выступал в супертяжелом весе. На ведомственных соревнованиях МВД он уже по два-три раза положил на лопатки всех сильных соперников. И теперь мечтал блеснуть на открытом чемпионате Москвы.

Он вразвалочку подошел к Девяткину и одернул полы куцего пиджачка, тесно обтягивающего широченную спину и плечи. Потрогал разбитый на прошлой тренировке глаз, под которым красовался плохо припудренный фиолетовый синяк.

– М-да, физиономия у тебя еще та, – сказал Девяткин. – Если бы я не знал, что ты оперативный сотрудник милиции, то арестовал бы тебя. Да, да... За твой бандитский вид. Ладно... Надо будет прочесать территорию вот от того здания до забора. Построишь милиционеров в цепочку. Начнете, когда увезут труп.

Лебедев молча поднес огромный кулак к груди Девяткина, разжал пальцы. На ладони лежала связка ключей и черный брелок с серыми кнопками. Эта штука включала и отключала автомобильную сигнализацию.

– Ключи нашел возле дорожки в траве, – сказал Лебедев. – А машина вон там, за забором стоит. Я прошелся вдоль улицы, потыкал пальцем в брелок. И одна из машин, голубая «Ауди» последней модели, запищала.

– Кому принадлежит машина, выяснил?

– Номер пробивал по нашей базе данных, – Лебедев рассчитывал, что его сообщение произведет на начальника должное впечатление, и нарочно тянул с ответом. – Да, пробил. Такое дело получается...

– Говори, не тяни душу.

– Это Алла Носкова, жена известного бизнесмена Леонида Солода, – выпалил Лебедев. – Того самого богатея, который до сих пор значится в милицейской картотеке оперативного учета как преступный авторитет. Судимостей на нем нет, но крови, говорят, много.

Девяткин хмыкнул, переваривая неожиданное известие.

– Что ж, это из серии «богатые тоже плачут», – сухо ответил он. – Еще что-нибудь?

– Вот. Подобрал.

Лебедев вытащил из кармана записную книжку, раскрыл ее на середине. К одной из чистых страничек прилепился прямоугольный кусочек бумаги, еще влажный. Старлей нашел мокрую, скатанную в шарик бумажку в нескольких шагах от валявшихся на земле ключей. Под-

нял, развернул и положил в записную книжку, чтобы бумага разгладилась и просохла. Теперь на ее светло-желтой поверхности отчетливо проступили фиолетовые буквы и цифры.

Железнодорожный билет на пригородный поезд, следующий от Киевского вокзала до пятой зоны. То есть по билету можно доехать до любой из нескольких станций, удаленных от города на пятьдесят-шестьдесят километров. Куплен вчера в одиннадцать сорок вечера в автомате у Киевского вокзала. Девяткин подумал, что ключи от машины – просто подарок судьбы. Теперь личность убитой, можно сказать, установлена. Значит, половина расследования позади. А вот железнодорожный билет, скорее всего, к делу отношения не имеет. Бумажку принесло ветром, или кто-то из прохожих выронил из кармана...

– Дай-ка еще раз глянуть, – сказал он Лебедеву. – Так... Билет действителен сутки. Странно... Зачем покупать билет, не использовать его, а бросить в парке на другом конце города? Ты вот что, Саша, отправляйся на Петровку. Выясни, до каких станций пятой зоны можно доехать по этому билету.

– Еще что-нибудь? – Лебедев подумал, что на тренировку точно не попадет.

– Да. Свяжись с управлением внутренних дел Московской области. И линейным отделом железнодорожной милиции. Поинтересуйся, может, прошлой ночью на одной из станций пятой зоны что-нибудь случилось. Ты понимаешь, о чем я. Поножовщина, грабеж... И еще: может, были происшествия в вагонах ночных электричек. Оставь отчет у меня на столе и беги на тренировку.

– Когда вас ждать?

– Когда я закончу с дядей Васей диспут о футболе.

Девяткин потер ладони, давая понять Усову, что он готов продолжить спор.

* * *

Лимузин мчался по шоссе со скоростью восемьдесят миль в час. Чернокожий парень, сидевший за рулем, оглянувшись, сказал, что через четверть часа они приедут. Стас кивнул и поднял стекло, отделявшее салон машины от водителя.

– У меня такое ощущение, что в этом месяце ты заработаешь большие деньги, – сказал он. – Я не верю русским банкам. Послушай меня: купи большой сейф. Скоро он будет полон наличных.

– Хорошо бы.

– Как ты понимаешь, эта поездка в Москву не слишком радует, – продолжал Стас. – Но в моем положении не выбирают. Надеюсь, мой скорбный труд не пропадет, и я тоже получу хорошие премиальные. Иногда у старика бывают приступы щедрости. В эту минуту нужно оказаться рядом с ним.

– Тебя что-то смущает?

– Одна мелочь, – кивнул Стас. – Если с Аллой что случится... Если только что-то пойдет не так, каменное сердце Носкова будет разбито. И тогда обратно в Штаты мне лучше не возвращаться. Потому что здесь меня утопят в Гудзоне. Или сбросят с небоскреба. Это самые безболезненные, самые гуманные варианты моей кончины.

– Брось трепаться.

– Нет, послушай. Потому что и до тебя старик дотянется. Сделает твою жизнь очень тусклой. Если тебя не закатают в асфальт, то уж с хорошей работы выпрут в пять минут. И устроят так, что ты сможешь наняться только дворником. Или уборщиком. В какое-нибудь специальное заведение, где принимают на работу инвалидов. Вскоре, не выдержав нищеты и лишений, с ребенком на руках от тебя уйдет жена. И вот одной бессонной ночью придет шальная мысль... Да, да, мысль о самоубийстве. И засядет в голове, как гвоздь в заборе, – так, что уже не вытащишь...

– Не нагоняй тоску, – ответил Радченко. – Это просто работа, которую надо сделать. И еще: мне хочется помочь Алле.

Какое-то время Стас молча глядел на дорогу.

– Ладно, не будем о плохом, – наконец сказал он. – Какие у тебя планы? Алла останется в больнице еще дня четыре. Тебе нечем будет заняться все это время.

– Что-нибудь придумаю...

– У меня есть клубные карты в очень приличные заведения для мужчин. Это первый вариант. Есть билеты на «Призрак оперы» и «Джерси бойз». Это два. Есть и другие варианты, более интересные. Я все устрою и везде тебя проведу. Пока ты здесь, чувак, этот город греха и разврата принадлежит тебе. Разумеется, все расходы за счет старика.

– Ты меня в тупик поставил...

– Знаешь, чего я тут не нашел за все эти годы моей жизни? Только двух вещей. Варьете типа парижского «Мулен Руж». И еще ресторанчика венгерской кухни. Знаешь, с таким маленьким оркестром, где скрипач ходит между столиками. Ну, варьете и скрипач нам задаром не нужны. Я предложу кое-что поинтереснее. Ты черненьких девочек не пробовал?

– Нет. Пока.

– Так попробуй. Запишем это первым пунктом нашей программы. Принято?

– Нет, старина. С девочками не получится.

– Все-таки подумай, – пожал плечами Гуляев. – И я бы за компанию стряхнул пыль с ушей.

Машина остановилась в темной подземной галерее. Водитель оглянулся назад и постучал в стекло согнутыми пальцами, давая знак, что они уже на месте.

Глава 3

От подземного паркинга до больницы рукой подать. Радченко и Гуляев перешли дорогу и оказались в просторном холле, полном людей. Втиснувшись в лифт, поднялись на двенадцатый этаж. По широкому коридору дошагали до деревянной двустворчатой двери со стеклянными вставками. Гуляев нажал кнопку переговорного устройства и сказал, что к больной Носковой пришел посетитель. Женский голос ответил, что придется подождать пять минут – сейчас с Аллой разговаривает врач. Стас упал в кресло, закинул ногу на ногу. Радченко ничего не оставалось, как повалиться в другое кресло.

– Пока есть время, может, вниз спуститься? – спросил он. – Я видел там магазин.

– Забудь, – поморщился Гуляев. – С голода в этом заведении еще никто не опух. Первое, второе, третье блюдо и свежие фрукты.

В переговорном устройстве что-то щелкнуло, Стас подскочил к двери, сказал пару слов и поманил пальцем Радченко.

– Иди без меня, – сказал он. – У стойки покажешь любой документ, вот и все формальности.

Радченко толкнул дверь, шагнул вперед. Замок задней двери щелкнул, и Дима оказался в просторном предбаннике между двумя дверьми со стеклянными вставками. Дверь, ведущая в отделение психиатрии, не открывалась. Тогда он нажал красную кнопку еще одного переговорного устройства. Сказал, что его ждет больная Носкова. Снова что-то загудело под самым потолком. На стене вспыхнула зеленая лампочка. На этот раз дверь поддалась. Радченко оказался в коридоре, по левую сторону которого тянулись двери двухместных палат, а справа – стойка регистратуры.

Чернокожая женщина в белом халате и шапочке попросила показать документы и поинтересовалась, нет ли у мистера Радченко еды или каких-то предметов – скажем, одежды – для Аллы Носковой. Если есть, она хотела бы на них взглянуть. Радченко приподнял портфель с бумагами и отрицательно помотал головой. Женщина повертела в руках водительские права Радченко, выданные в Москве, занесла его имя в компьютер, встала и кивнула в сторону трех железных столов, стоявших в холле, справа от регистрационной стойки.

Алла сидела за вторым столом и, не отрываясь, смотрела на Диму. Радченко, перекладывая портфель из руки в руку, сделал несколько шагов вперед. Еще минуту назад он был совершенно спокоен, а сейчас заволновался. Те слова, что следовало сказать, что старался не забыть в дороге, мгновенно вылетели из головы, вместо них с языка сорвалась пошлость, достойная идиота.

– А ты прекрасно выглядишь, – сказал он и сжал в своей ладони тонкую руку Аллы. Подумал секунду и добавил вторую глупость: – С годами ты только хорошеешь. Прямо цветешь. Да... И пахнешь.

– А ты все такой же мастер по части комплиментов.

Алла сидела на скамейке по одну сторону стола. Он смотрел на ее лицо, уставшее и такое бледное, что кожа казалась совсем прозрачной. Светлые волосы были зачесаны назад. Голубые миндалевидные глаза смотрели печально и слегка удивленно, будто Алла до конца не верила, что он прилетит в Америку, а потом явится в больницу. Губы тронула улыбка, а на глазах заблестели слезы.

– Прости, Димыч. Это я надоумила отца вызвать тебя, – сказала Алла. – Я жалею, что доставила тебе хлопоты. Но я не хочу, чтобы какой-то посторонний человек решал мои проблемы. Лучше уж ты.

– Рад, что ты обо мне вспомнила, – сказал Радченко. – Я постараюсь... Нет, не так. Я сделаю все, чтобы помочь. Хотя усилия потребуются минимальные. Сейчас в нашей адвокат-

ской конторе готовят нужные материалы для суда. У тебя с Солодом сложные имущественные вопросы, но мы все решим. Просто наберись терпения.

– Ты умница, Дима, – кивнула Алла. – Ты всегда был такой: умный и честный. И еще: на тебя можно положиться.

– Спасибо, – Радченко улыбнулся искренне, без всякого усилия. Compliments, особенно искренние, перепадали ему нечасто. – Черт побери, я рад тебя видеть.

Услышав звонок, он вытащил из кармана телефон:

– Слушаю.

– Дима, ты слышишь меня? – Голос Носкова звучал раздраженно.

– Отлично слышу.

– Так вот. Я только что получил известие из Москвы, что моя дочь Алла... Если ты сейчас стоишь, лучше сядь. Так вот: оказывается, Алла умерла. Точнее, погибла. То ли в результате несчастного случая, то ли бандитского нападения.

– Вообще-то я разговариваю с Аллой, – ответил Радченко. – Да, да. Прямо сейчас. Так что слухи о ее смерти несколько преувеличены.

– Удачная острота. Жалко, что не твоя. Но мне сейчас не до шуток. Приезжай немедленно.

* * *

Юрий Девяткин вывел машину со служебной стоянки и, проехав по Бульварному кольцу, свернул на Тверскую. Удушливая жара спала, на город опустились лиловые сумерки, обещавшие одинокому мужчине романтическую встречу с любимой женщиной и что-нибудь еще... Девяткин сладко вздохнул и тут же резко тормознул, когда с тротуара на проезжую часть вдруг вывалилась женщина со спортивной сумкой. Замерла перед капотом, замахала свободной рукой. Рванула дверцу, бросила назад тяжелую сумку, сама упала на переднее сиденье.

– Господи, дышать нечем, – сказала она. – Пожалуйста, к Киевскому вокзалу. Только поскорее. Электричка не ждет.

– Я не таксист, – ответил Девяткин. – Посмотрите: тут даже счетчика нет.

– Только не морочьте мне голову, – женщина нахмурилась. – Все желтые машины – такси. А счетчика ни у кого нет.

– Цвет машины не желтый, – заупрямился Девяткин. – Скорее оранжевый.

– Пусть так, – кивнула дама. – Но я опаздываю. Цвет машины мы обсудим в дороге.

Девяткин покосился на часы. В десять тридцать у него свидание с подругой по имени Оксана. Она будет ждать у главного входа в Театр оперетты, где работает третий год. Пока на подпевках у известной примадонны, но есть надежда, что карьера попрут вверх как на дрожжах. В новом сезоне начнутся репетиции двух мюзиклов, заметная роль в основном составе обеспечена. Если, конечно, режиссер не соврал.

Нюансы артистической карьеры не интересовали Девяткина. При виде Оксаны он испытывал что-то похожее на легкое головокружение. Конечно, если быть честным перед самим собой, для этой подруги он немного староват. Но разницу в возрасте сглаживает его отличное здоровье, высокий темперамент и некоторые безрассудства, которые он не позволил бы себе с другой женщиной. Первым безрассудством стала покупка этой машины вызывающего, кричащего цвета. Эту тачку прохожие со слабым зрением принимают за такси. Но тогда в минуту сомнений, накативших на Девяткина в автомобильном салоне, Оксана сказала: «Ты крутой чувак, поэтому должен иметь крутую тачку. Таковую, чтобы все останавливались и провожали тебя взглядами». И вопрос был закрыт. Девяткин побежал к знакомому коммерсанту одалживать деньги.

До встречи у театра остается час, значит, есть свободное время. Он тронул машину, свернул направо и прибавил газу.

– Теперь успеем, – сказала женщина. – Я всегда возвращаюсь домой следующей электричкой, когда темно. А теперь боюсь.

– Что так?

– А вы не знаете? У нас во дворах старых домов неподалеку от станции убили двух милиционеров. Ночью расстреляли из автомата. В газете писали, будто эти милиционеры хотели задержать какого-то известного бандита. А бандит той ночью прогуливался со своей барышней. Они ему: предъяви документы. А он вытащил из-под плаща автомат, раз... И шлепнул ментов на месте. У одного, говорят, ребенок остался.

– Ах, да-да, что-то такое читал.

Девяткин вспомнил копию рапорта и протокола осмотра места происшествия, что легла на его стол вчерашним днем. Два милиционера убиты из автомата Калашникова калибра 7,62. Мотивы преступления неизвестны. Личность подозреваемого не установлена. Но доподлинно известно, что убийца ранен. Однако сумел уйти, оставляя за собой кровавый след, который протянулся от подворотни до ближних кустов. И там пропал. Если бы не ночной ливень, беглеца бы нашли. Но до прибытия поисковой группы он сумел покрыть большое расстояние, или сообщники вывезли убийцу из поселка на машине. Происшествие прискорбное, трагическое, но к делу об убийстве женщины в парке у ветеринарной академии наверняка отношения не имеет.

– А что там про барышню в газете писали? – спросил Девяткин. – Вы говорите: бандит гулял с барышней...

– Ну да, была барышня. Может быть, из-за нее стрельба и началась. Я, когда утром шла на станцию, видела место происшествия. Моя дорога как раз мимо тех домов. Арка проходит сквозь четырехэтажный старый дом из красного кирпича. На дороге глубокая лужа. А в той луже ручкой кверху плавает раскрытый женский зонт. Красный такой, симпатичный. Ну, значит, была там женщина.

– Про зонт я ничего не читал.

– А вы какую газету смотрели?

– Уж не помню названия.

Машина остановилась возле касс, где продавали билеты на пригородные поезда. Женщина вытащила из кошелька деньги, протянула Девяткину.

– Нет, нет, – сказал он. – Я вас так подвез. Из личной симпатии.

– Берите уж. Если каждого за так возить, машину не на что будет заправить.

Женщина оставила после себя запах свежего лука и недорогих цветочных духов. Девяткин развернул пару мятых купюр, сунул их в нагрудный карман пиджака. На минуту задумался и мысленно согласился с пассажиркой: если каждого за так возить... Тут внимание переключилось на профессорского вида мужчину с бородкой клинышком. Он, включив вторую космическую скорость, несся прямо к машине, плечами прокладывая путь через скопление пассажиров.

– Такси, такси... Эй...

Профессор уже хотел открыть дверцу, когда Девяткин нажал на газ, развернулся и влился в поток автомобилей. Он набрал номер рабочего телефона. Когда трубку снял старший лейтенант Лебедев, сказал:

– Тут я получил агентурные сведения по поводу той девицы из парка. Ты нашел рядом с телом билет до пятой зоны Киевского направления. В тот же вечер, когда убили эту кралечку, в городе Апрелевка – это как раз пятая зона – были застрелены два милиционера. Теперь слушай сюда. Мой источник сказал: на месте происшествия – там, где грохнули ментов, – валялся раскрытый красный зонт.

– Красных зонтов много, – вставил Лебедев.

– А чехол от красного зонта лежал в сумочке убитой женщины. Все это мне очень не нравится. Билет на электричку, зонт этот... Слишком много совпадений. Сейчас позвони в Апрельку и скажи, что мы приедем утром. Посмотрим, что у них есть по убийству ментов. И почему тот клятый зонт не упомянут в протоколе осмотра места происшествия.

* * *

Самолет до Москвы вылетал из аэропорта Кеннеди завтра утром. У Стаса Гуляева оставалось время, чтобы закончить все дела и собрать чемодан. Он вышел из офиса в шесть вечера, спустился в подземную парковку, сел за руль спортивного «Лексуса» последней модели. Остановил машину перед желто-черным шлагбаумом у будки дежурного и заплатил восемьдесят долларов за шесть часов стоянки.

Вскоре он выбрался из забитых машинами улиц Манхэттена на Бруклинский мост, включил радио, послушал прогноз погоды. Послезавтра обещали понижение температуры до восьмидесяти двух градусов по Фаренгейту, местами дожди с грозами. Погода хорошая, значит, задержки рейса не предвидится. Нет хуже, чем торчать несколько часов в аэропорту или в салоне «Боинга», ожидая разрешения на вылет.

Стас проскочил несколько мусульманских кварталов, миновал ботанический сад и, сделав пару поворотов, оказался на Брайтоне. Был теплый вечер, работали все магазины, открылись рестораны. Чтобы отыскать место для стоянки, пришлось проехать три квартала вперед, а затем вернуться назад. И с трудом втиснуть машину в только что освободившееся место. Наверху, по надземной линии метро, проложенной прямо над проезжей частью Брайтона, прогрохотал поезд. Стас зашел в продуктовый магазин, где не услышишь ни слова по-английски, и побродил по залу.

Здесь внутри все было устроено с тем же бестолковым примитивизмом, что и в московских магазинах. Все свободное место в зале заставлено коробками, за любым пустяком надо становиться в очередь, которая едва ползет. Однако именно сходство с русскими магазинами, эти отжившие свое прилавки, очереди, которые нечасто увидишь в Америке, принесли магазину популярность. Здесь покупатели не просто брали товар, они удовлетворяли потребность перебраться парой слов на родном языке, себя показывали и на других смотрели, перетирали последние сплетни и делились новостями.

Стас купил то, что любил отец: молочных сосисок и докторской колбасы, сделанных поляками. Макавый рулет «Вечерний звон», выпеченный в подвале за углом, горячие бублики, посыпанные маком и кунжутом, из того же подвала. И еще яблочный сок в картонном пакете. Если верить этикетке, его разлили в Москве. Стас вышел из магазина под желтое небо. Светился абрис луны, свежий ветер, набравший силу к вечеру, доносил запах йода и соли. За домами через дорогу начиналась широкая полоса пляжа, отделенная от жилых домов широким деревянным тротуаром, протянувшимся вдоль океана на шесть кварталов.

Там, на этом деревянном настиле, теплыми летними вечерами встретишь половину Брайтона. Если бы не уличный шум, если бы не линия метро над головой, – и здесь, возле продуктового магазина, можно было бы услышать шум океанской волны. Наверняка в открытом павильоне, где играют в шахматы местные гроссмейстеры, сейчас нет свободных мест. У рюмочной «Москва» собрались все забулдыги, в прохладном зале «Националя» разминается оркестр, готовясь к вечернему наплыву состоятельных господ.

Стас нырнул в переулок, прошел несколько минут и оказался в темном дворе, где прошли его детство и юность. Поднялся на невысокое крыльцо, открыл дверь подъезда своим ключом, поднялся на четвертый этаж. Отец пропустил Стаса в квартиру.

– Давно ты не появлялся, – сказал он. – Много дел?

- Хватает, – кивнул Стас. – Как сам?
- Бывало и лучше, – ответил Михаил Семенович.
- Сердце не болит?
- Не болит. Но бьется через раз. Ну, жаловаться грех. Я еще дышу и перебираю копытами.

Словно старый мерин по дороге на скотобойню.

– Давай без черного юмора...

– Какой уж тут юмор? В моем возрасте жизнь катится, словно машина с горы. Только вниз и вниз. И тормозов у этой машины нет. И спрыгнуть нельзя. Остается только закрыть глаза и ждать. Неизвестно чего. Впрочем, все известно...

В Москве отец без малого двадцать лет отработал в редакции крупного литературного журнала, переводил на русский язык классиков англо-американской литературы и современных авторов. Когда журнал закрыли, нашел через бюро переводов какую-то поденщину с копеечной оплатой. Но вскоре не стало и этой работы. Еще в Москве у него вошло в привычку использовать в разговоре образные литературные выражения. Он часто жаловался на трудные времена, которые почему-то никак не кончаются. При этом лицо сохраняло скорбное выражение, губы подрагивали, чуткие ноздри трепетали, будто отец готовился разрыдаться.

Скинув пиджак в прихожей, Стас прошел на кухню, захватив с собой пакет с угощением. Присев к столу, поставил на стол бутылку пива. Отец долго разглядывал покупки, перед тем как отправить их в холодильник. Он устроился на другом стуле, молча глядел на сына печальными, чуть навывкате глазами и покачивал головой. Через пять минут Стас утолил жажду, выкурил сигарету. И, вытащив бумажник, отсчитал и положил на стол две сотни долларов двадцатками. Подумал и добавил еще сотню.

– Это тебе на книги, – сказал он.

– Спасибо, я как раз присмотрел на днях кое-что. Французское дополненное издание комментариев Набокова к «Евгению Онегину».

– Да, это находка, – мрачно кивнул Стас, не читавший ни Пушкина, ни Набокова. – Книга настолько скучная, что засыпать будешь без снотворного.

Отец давно уже превратил квартиру в филиал публичной библиотеки, но продолжал каждый лишний доллар тратить на книги. Так было и в Москве, и здесь так. Собираительство книг – это из тех болезней, которые не лечатся. Перед отъездом в Америку отец раздал книги друзьям. Здесь новых друзей заводить уже поздно. Но знакомые книголюбы есть, и отец не отказывает, если просят что-то почитать.

– Когда-нибудь страсть к чтению тебя погубит, – вынес свой приговор Стас. – Как погубила многих хороших людей. Смотрел бы лучше, даже не знаю... Телевизор. Кстати, книги в «Черном море» не покупай. Бери лучше у дяди Миши на углу. Он прошлый раз говорил, что достанет любую книжку. Хотя кому я это рассказываю...

– Не заговаривай мне зубы. Зачем ты приехал?

Отец не переставая качал головой, будто хотел показать, что теперешнюю жизнь сына не одобряет. Да, у Стаса водятся деньги, у него доброе сердце и, кажется, даже есть совесть. Только этого мало. Сыну за тридцать, а он не нажил большого ума, у него нет деловой сметки, расчетливости, без которой в этом городе трудно прожить. Наконец, нет настоящей профессии, которая прокормит, если наступят трудные времена. Сын так и не стал хорошим переводчиком, не хватило усидчивости. А плохих переводчиков здесь с избытком.

– Зашел сказать пару слов, – Стас улыбнулся. – И еще позаимствовать какую-нибудь книжку. Скажем, «Практикум гипнотизера».

– Ты еще занимаешься этими фокусами?

– Балуюсь, чтобы скрасить серую жизнь. Послезавтра улетаю в Москву. Всего на две недели. Не дольше. Это связано с бизнесом босса. Надо встретиться с его партнерами. Подписать какие-то бумажки, передать кое-что на словах... У меня останется много свободного

времени. Не командировка, а курорт. Если есть поручения, готов выполнить. А книжка нужна, чтобы я в самолете со скуки не напился.

Отец подумал, что Стас не научился врать. Сын никогда не работал с бумагами, не вел переговоры с деловыми партнерами. И, разумеется, ничего не подписывал. Скорее всего, дочка босса выкинула какой-нибудь новый фокус, от этой женщины одни неприятности. На сердце вдруг стало тяжело и беспокойно.

– Значит...

– Да, я зашел сказать «бай». Ну, чего ты такой растерянный?

– Ты мог сказать «бай» по телефону.

– А как же книга?

Отец подумал, что не был на родине лет семь. Нет, не семь, больше. И хотел бы слетать в Москву хоть на три дня. Встретиться с одним старым другом. И еще в Москве остались родственники: двоюродный брат Илья, трое его детей, давно уже взрослые состоявшиеся люди, у которых своя жизнь и свои дети.

– Обязательно зайди к тете Лизе, – сказал отец. – Если она узнает, что ты был в Москве и не повидался с ней... Обида останется на всю жизнь. А мать, если ты не забыл, похоронена на Митинском кладбище. От входа по главной аллее триста метров. Участок номер...

– Я все помню, – сказал Стас.

– «Практикум» в твоей комнате.

* * *

Стас прошел до конца коридора, повернул ручку и зажег свет. В этой крошечной комнатке за последние годы ничего не изменилось. Продолговатое, в одну створку окно всегда закрыто жалюзи и смотрит в точно такое же близкое окно чужой квартиры. Там, помнится, жили какие-то старики. Еще с наружной стороны площадка пожарной лестницы и горящий фонарь над помойными баками.

Да, тут ничего не изменилось. Все так же пахнет книжной пылью, пожелтевший от времени плакат «Роллинг Стоунз» висит над узенькой коечкой, заправленной шерстяным одеялом. Полки со спортивными журналами, кубки по карате, которые Стас брал в далекой юности. На тумбочке в железной рамке фотография матери. Рядом с ней фото Сонечки, девчонки, по которой он сох в старших классах школы. Теперь Соня живет в Сиэттле, у нее трое детей от какого-то жалкого клерка, выходца из Индии.

От той прелестной красотки не осталось и воспоминания. Стас видел ее пару лет назад, когда бывшая гордость школы гостила у общих знакомых в Нью-Йорке. Он был настолько разочарован этой встречей, пустым примитивным разговором, что потом долго ходил как потерянный. Талия Сони расплылась, а живые когда-то глаза потеряли блеск, сделались похожими на пуговицы. Она заметно поглупела, а свое эго утопила в кастрюле с луковым супом...

В свое время родители прелестной девочки считали Стаса неперспективным женихом. Они ошибались. В последнем классе незадолго до выпуска Соня сказала: «Я только о том мечтаю, чтобы уехать из этой дыры. С этого Брайтона. Здесь я до сих пор не познакомилась ни с одним настоящим американцем. Только без обид. Почти все здешние парни – дети бедных евреев. Мне душно в этой помойке. Я не хочу тут оставаться лишнего дня. Мне хочется настоящей жизни. Красивой любви, путешествий, хочется свободы... Понимаешь?»

Стас понимал. Он мечтал о том же, думал так же, как думала Соня, но не решался доверить свои мысли никому из друзей. Вскоре Соня пропала на долгие годы, а Стаса по протекции отца взяли стажером в фирму «Двести языков». Он три долгих года переводил канцелярские бумажки и мечтал о том единственном шансе, о лотерейном билете в лучшую жизнь, который достается каждому человеку. Правда, не все билеты выигранные...

На однотумбовом столе, покрытом цветной клеенкой, стоял будильник, стрелки которого остановились много лет назад, когда Стас переехал отсюда в другую квартиру, попросторнее. Под настольной лампой лежала книга «Практикум гипнотизера», зачитанная до дыр. Золотое тиснение на корешке поблекло, края зеленого переплета помялись. Стас взял книжку и, погасив свет, вышел из комнаты. Теперь он сам не понимал, зачем приехал сюда.

* * *

Темный полукруг арки вел в старый двор, где на веревках сушилось белье, а ничейная белая собачонка бегала кругами возле московских гостей, выпрашивая подачку. Девяткин осмотрелся по сторонам. На лавочке возле первого подъезда он увидел старуху с дочерна загорелым, иссеченным глубокими морщинами лицом. Кивнув ей, сказал:

– Зрась, баушка.

Старуха была туга на ухо, вместо приветствия ей послышались совсем другие слова, оскорбительные, неприличные. В ответ она укоризненно покачала головой и сказала:

– Э-э-эх... Господи, помилуй.

С внутренней стороны дома под окнами жители устроили палисадники, обнесенные невысокой загородкой; здесь торчали стебли «золотого шара», росли пионы и кусты шиповника. Из распахнутого настежь окна на втором этаже гремел тяжелый рок: меломан, запускавший записи, не хотел слушать их в одиночестве. Девяткин решил, что нарушителю тишины надо бы сделать строгое внушение. Но тут подумал, что громкая музыка – одна из форм нищеты. Громкую музыку редко услышишь в домах, где живут богатые люди. И в России, и за границей, – везде одно и то же: где нищета – там музыка, бьющая по ушам.

Дом оказался небольшой, всего три подъезда, и двор маленький; за мусорными баками поднимался вверх невысокий холм. Девяткин забрался туда, за ним последовал старший лейтенант Лебедев и сопровождающий московских сыщиков капитан Сергей Сыч из местного управления внутренних дел. С холма открывался вид на пустырь, два девятиэтажных дома и большой дровяной сарай. Отсюда был отчетливо слышен гул Киевского шоссе.

– Да, – Девяткин задумчиво поскреб коротко стриженный затылок. – Если убийца уходил этой дорогой, то наверняка держал путь к шоссе. Хотел попутную машину поймать. И, видно, ему это удалось.

– Да, – в тон ответил Сыч и, сдвинув на лоб козырек форменной фуражки, тоже почесал затылок. – Удалось, конечно. Ясное дело, удалось. А то как?

Девяткин спустился вниз, побродил по двору, свернул в арку и, постояв в ее прохладном полумраке, задумался. Он тер подбородок, стараясь представить картину происшествия. Это было легко сделать. Трупы милиционеров пролежали тут до утра, когда подтянулись эксперты и все здешнее начальство. Составили протоколы, а абрис фигур убитых милиционеров мелом начертили на асфальте. К утру дорога просохла после дождя, поэтому рисунки получились яркими и четкими, их до сих пор не затоптали. Бурые пятна крови словно въелись в асфальт.

Слева рухнул сержант Лошак. Раскинув руки в стороны, он сильно разбил лицо при падении. Впрочем, боли сержант уже не почувствовал: пуля разорвала позвоночник, и он умер мгновенно, еще не коснувшись подбородком асфальта. Правее лежал лейтенант Савин. Он получил три пули в грудь, еще одно ранение – в плечо навывлет. И две пули в живот. Он жил какое-то время, успел перевернуться с боку на спину. Через несколько секунд убийца подошел ближе и добил его короткой очередью в голову. Уже мертвый Савин сжимал в руке табельный пистолет.

– Акт судебно-медицинского исследования я видел и протоколы читал, – сказал Девяткин. – Милиционеры стояли вот тут, прямо возле входа в арку. Вполоборота к дому. Стрелявший находился не в подворотне, а на мостовой, за их спинами. Да, с улицы он стрелял. Из

своего ствола Савин выстрелил дважды. Только дважды. В магазине пистолета осталось шесть патронов. Одну пистолетную пулю достали из-под слоя штукатурки в верхнем своде арки. Вторая пуля попала в тротуар. Она тоже найдена. Правильно?

– Так точно, – кивнул Сыч. – Эти детали я хорошо помню. Я только писал протокол. А текст диктовал начальник управления криминальной милиции.

Он тоже тер подбородок, словно передразнивал Девяткина, и морщил лоб, изображая мучительную работу мысли. Сыч думал о том, что наступает обеденное время, а он еще не завтракал.

– Теперь слушай вопрос, – продолжал Девяткин. – В подворотне на сухом асфальте обнаружена кровь первой группы, резус отрицательный. Крови много. Вопрос: чья это кровь? В протоколе написано: предположительно кровь убийцы. Но кто ранил убийцу, если милиционер в него не попал? Лично я без понятия. А вы как?

Сыч напрягся так, что глаза сделались стеклянными, а щеки налились краской. Надо что-то отвечать, а сказать нечего. Но Девяткин ответил сам:

– Кровь не принадлежит убийце. Помимо преступника, тут был еще кто-то. Другое неустановленное лицо. Ставлю рупь за сто: случайный свидетель видел то, что тут происходило. Да, была ночь, лил дождь. Но в десяти метрах отсюда – фонарь на столбе, на противоположной стороне улицы – другой фонарь. Хотя бы один из них светил. Правильно?

– Так точно, – отчеканил Сыч.

– Не бывает такого, чтобы на улице была пальба из пистолета и автомата, а жители окружающих домов разом оглохли или заснули мертвым сном. Люди боятся. Им не нужны лишние неприятности, своих хватает.

Сыч вытянулся в струнку. Он не боялся бандитов или молодых урок, орудовавших в ночных электричках, но почему-то робел перед этим майором из Москвы, о котором слышал от сослуживцев разные истории. Говорили, будто этот Девяткин чуть не до смерти забил одного бандита и жестокого убийцу, а у того нашлись влиятельные друзья. Девяткину предложили два варианта: или он ищет себе другую работу, или остается в милиции, но отправляется в ссылку. В далекий город, где уголовников больше, чем порядочных граждан, а без убийств и поножовщины не обходилось ни дня, ни ночи.

Девяткин выбрал второй вариант. И через пару лет навел в том паршивом городке такой порядок, что о майоре снова вспомнили в Москве. И позвали обратно. Вот это офицер: есть характер, мужество...

– Всех на уши поставлю, – пообещал Сыч, – но достану того урода. Ну, свидетеля в смысле...

– Сделаем так, – обратился Девяткин к Сычу. – Ты, капитан, подключи к поискам личный состав здешней милиции. Пусть обойдут те дома, что стоят на пригорке. И две прилегающие улицы. А мы с тобой заглянем в эти здания, что рядом с местом происшествия.

Лебедев, стоявший в отдалении, слушал монолог и думал, что упущено много времени. Свидетеля могли найти убийцы. И плавает он сейчас где-нибудь в речке, привязанный к металлической болванке...

– Последний вопрос: где женский красный зонт?

– В камере хранения вещественных доказательств, – ответил Сыч. – Это в прокуратуре. Мы думали, что зонт попал сюда случайно. Но на всякий случай приобщили его к материалам следствия.

– Лебедев, я остаюсь с капитаном Сычом, – сказал Девяткин. – А ты садись в машину и двигай в прокуратуру. Оставь расписку и забери тот красный зонт.

Девяткин кивнул на стоявший у обочины «Форд».

– Это такси? – спросил Сыч.

– Это моя машина, – сухо ответил Девяткин. – Не нравится?

– Очень нравится, – Сыч понял, что сказал что-то такое, чего говорить не следовало. Он прижал руки к груди и улыбнулся. – Хорошая машина. Только на такси похожа. Немного. Потому что желтая.

– Она не желтая, – вздохнул Девяткин. – Уже вспотел объяснять, что она оранжевая.

– Я и говорю – оранжевая, – живо согласился Сыч.

Глава 4

Самолет из Нью-Йорка приземлился в московском аэропорту Шереметьево около полудня. Офицера, дежурившего на пункте паспортного контроля, смутила справка, выданная Алле Носковой в русском консульстве Нью-Йорка. Вызвали старшего офицера, который долго рассматривал бумажку, затем задал несколько вопросов.

Пришлось объяснять, что заграничный паспорт Носковой украден в Нью-Йорке, взамен него в консульстве выдали эту справку. Офицер кивнул, набрал номер телефона и коротко переговорил с кем-то из начальства. Закончив разговор, сказал, что справка останется здесь, на пограничном контроле.

Возле выхода из аэропорта стоял «Фольксваген», который прислала адвокатская контора «Саморуков и компаньоны», где работал Радченко. Стас Гуляев упал на заднее сиденье и смежил веки. Он панически боялся полетов на самолетах и теперь, после страшной бессонной ночи, чувствовал себя так, будто из него вытряхнули душу и забыли поставить ее на место. Прошлым вечером лайнер попал в зону турбулентности, Стас намертво вцепился в подлокотники кресла и приготовился умереть. А когда перестало трясти, темноту ночи разорвало огненное свечение на востоке. Самолет стремительно мчался сквозь непроглядную ночь навстречу солнцу, цвет неба менялся. По синему бархату рассыпались неестественно крупные сверкающие звезды. Забыв о страхах, Стас прилип к иллюминатору, не в силах оторваться от завораживающего зрелища...

Алла устроилась впереди рядом с водителем. Сосредоточенная на своих мыслях, она была молчалива. Через час машина подкатила к высокому мрачному зданию, остановилась во дворе у среднего подъезда. Здесь квартира Аллы, точнее, две большие квартиры на двенадцатом этаже. Радченко вытащил из багажника чемодан и пошел к подъезду.

Двери лифта открылись, Алла и Радченко вышли из кабины и остановились, удивленно оглядываясь по сторонам. Небольшая лестничная площадка превратилась в склад строительных материалов: мешков с бетонной смесью и ящиков с плиткой. Пол заляпан краской, возле лифта стоит раздвижная лестница. В ведре с мутной водой малярные кисти с длинными ручками. Двое мужчин в комбинезонах смолили сигареты.

– Здравствуйте, – сказала Алла.

– Здравствуйте, – один из мужчин плюнул на кончик сигареты и, бросив ее на пол, растоптал башмаком. – Вы к кому?

Алла, не ответив, шагнула ко второй двери, вытащила из сумочки ключи. И отступила в сторону, поняв, что в ее отсутствие замки на дверях поменяли.

– Это хозяйка квартиры, – сказал Радченко рабочим. – Она хотела бы войти в помещение. И посмотреть, что там происходит.

Строители переглянулись.

– Ясно что: ремонт, – сказал один из мужиков. – А какая же это хозяйка? Можно узнать? Я тут бригадир. Отвечаю за все работы. И еще за то, чтобы посторонних на этаже не было.

– Хозяйка тут одна, – ответил Радченко. – Алла Носкова. Обе квартиры на этаже принадлежат ей. Итак, можно войти?

– Я слышал, с Аллой Носковой какое-то недоразумение случилось, – бригадир сверлил Радченко черными близко посаженными глазами, полными недоверия. – То ли в больнице она, то ли что... Я человек маленький, мне не положено знать, где господа досуг проводят. Только Носковой тут быть не может.

– Хозяйка перед вами, – повторил Радченко; наливаясь злостью, сжал кулаки в карманах куртки. – Вот она, Алла Носкова.

– На этом объекте главный я, – нахмурился бригадир. – И за все несу ответственность. Поэтому, граждане, вам лучше уйти. Во избежание неприятностей. Или травм. А то, смотрю, женщина на каблуках... А тут мусор, краска. Не дай бог споткнется, с лестницы свалится вниз головой. Или еще чего.

– Как бы тебе самому с лестницы не свалиться, – Радченко шагнул вперед. – Вниз головой. Я хочу знать: что тут происходит?

– У квартир есть хозяин – Солод Леонид Иванович. Он подписал договор с нашей фирмой, – сплюнув, сказал бригадир. – Комплексный ремонт жилплощади в триста семьдесят метров. Два дня назад мы начали подготовительные работы. Я так понимаю, на эти квартиры у хозяина уже есть покупатель. Еще вопросы будут?

– Мы бы хотели войти, – сказал Радченко.

– Поступим по-другому, – терпение бригадира кончилось. – У меня плотник – настоящий богатырь. Ударом кулака ломает дюймовую доску. Интересно взглянуть, что он сделает с твоей физиономией, умник.

Радченко крепче сжал кулаки.

– Эй, Леша, – крикнул бригадир во всю глотку.

Словно из-под земли появился верзила в черной рабочей куртке с закатанными по локоть рукавами. Мужик был на полголовы выше Радченко и килограммов на двадцать тяжелее. Леша вытащил из светлых кудрей завиток сосновой стружки, внимательно осмотрел его и бросил на пол. Затем скрестил на груди ручки и так посмотрел на Радченко, будто искал на его теле место, куда будет сладко садануть кулаком.

– Вот этих господ надо вниз проводить, – сказал бригадир. – А то работать мешают.

Алла, изо всех сил ухватив Радченко за локоть, потянула его назад, к открытым дверям лифта.

– Пойдем, Дима. Я умоляю, не надо... Пойдем.

Не сопротивляясь, Радченко шагнул в кабину и нажал кнопку первого этажа. Лифт тронулся, Дима слышал, как заржали работяги. Он подумал, что горечь унижения пережить можно. Но, кажется, проблемы Аллы Носковой оказались не такими простыми, как представлялось еще вчера.

Во дворе Радченко устроился на краешке длинной скамейки. Рядом, укрывшись старыми газетами, дремал старик в ботинках с кривыми сбитыми каблуками. Дима набрал номер телефона хозяина юридической фирмы «Саморуков и компаньоны» и коротко переговорил с ним.

– Значит, тебя едва с лестницы не спустили? – весело переспросил Юрий Семенович. – Поздравляю. В смысле, поздравляю, что не спустили. А меня, брат, спускали. Да, было такое. На заре туманной юности. Почти как в анекдоте: муж возвращается из командировки и видит... Моя морда ему сразу не понравилась. Здоровый такой дядька... Спасибо, шею не сломал.

– Что нам делать? В гостиницу или...

– Вот именно: или, – оборвал Полозов. – Соваться в гостиницу сейчас нельзя. У Аллы нет никаких документов. Заезжай в офис, возьми ключи от квартиры на Русаковской улице. Ну, той самой, где мы ведем конфиденциальные переговоры с клиентами. Пока лето, затишье в делах, нам эта хата не нужна.

Радченко опустил трубку в карман. Тут из-под газет появилась заспанная физиономия старика с пегой бородой. Он попросил закурить, пустил дым и снова полез под газеты.

* * *

Накануне Петр Афонин продал на местном рынке два ведра семечек и почувствовал себя обеспеченным человеком, который может себе многое позволить. Хороший обед в столовой

«Ветерок», а вечером – полдюжины холодного пива. Сейчас, закрывшись в своей пустой холостяцкой комнате, он пересчитал деньги, прикидывая, сколько прогулял вчерашним вечером. Вдохнув, засунул купюры в банку из-под кофе. Вышел в коридор, бодрым шагом проследовал на кухню. Раскрыл свою полку, висевшую над самодельным разделочным столиком. Он стоял, соображая, чем бы подкрепиться на завтрак. Мыслей было немного.

– Черт бы вас, – повторял Афонин, давно привыкший разговаривать сам с собой. – Вот непруха...

Эту квартиру, старую, полную мышей и пыли, он делил со старухой Стешей Никаноровой. Две комнаты его и одна старухина. Вскорости дом обещали снести и дать Афонину новое жилье со всеми удобствами. Про новое строительство даже в местной газете писали. Но в эти байки Петр не верил. Он не начальник, чтобы новые квартиры получать.

Впрочем, и сегодняшним существованием Афонин был доволен. На часах семь утра, а впереди длинный день, который может принести приличный заработок. Сейчас же он отправится в Москву на Киевский вокзал; там у знакомой проводницы в поезде, что стоит в отстойнике на запасных путях, купит два мешка семечек. Груз она привезла с Украины последним рейсом. Семечки крупные и сухие, а главное, дешевые. Если быстро вернется обратно, может поспеть на рынок. Конечно, два ведра, как вчера, он вряд ли продаст. Но тут уж сколько получится.

– Эх, черт, – вздохнул Афонин, разглядывая содержимое кухонной полки, принюхиваясь. – Вот жизнь. Подавиться нечем.

Он вытащил из темного нутра полки початую чекушку водки, кусок хлеба, завернутый в бумагу, и сухую рыбку без головы. Присев к столу, скрутил пробку, набулькал водки в стакан. Задержав дыхание, выпил в два глотка. И передернул плечами, будто в ознобе. Через минуту он разделался с сушеной рыбкой и куском хлеба, заварил в чашку щепоть черного чая и бросил два кубика сахара. Повесил на губу папиросу, пустил дым и, прихлебывая чай, послушал сводку погоды, что гоняли по радио.

Дождя не будет. Это хорошо. В дождь какой дурак пойдет семечки покупать...

* * *

Поиски свидетелей убийства милиционеров в Апрелевке тянулись третий день. Майор Девяткин приезжал в город чуть свет, встречался с капитаном Сергеем Сычом возле местного отделения внутренних дел. Сегодня перед началом работы они зашли в следственный кабинет, выпили кофе и закусили бутербродами с сыром и колбасой, что купил по дороге Девяткин.

– Завтра я принесу бутерброды, – пообещал Сыч. – Хотя... Наши изыскания должны закончиться уже сегодня.

– С чего такая уверенность? – удивился Девяткин.

– Интуиция, – загадочно усмехнулся Сыч.

Сдув с письменного стола хлебные крошки, милиционеры раскрыли две тетрадки с записями, разложили карту района, где произошло преступление. Здесь был обозначен каждый дом, сарай, гараж или дерево. Сыч, низко склонившись над столом, стал водить по карте коричневым от табака ногтем. Иногда он отрывался от этого увлекательного занятия, чтобы свериться с записями в ученической тетрадке.

Еще два дня назад радиус поисков казался довольно большим, сюда попадало два многоквартирных дома по шесть подъездов в каждом. Дома стоят на пригорке, в некотором удалении от той подворотни, где пролилась кровь. Возле домов, направляясь к шоссе, мог пройти убийца. Далее в списке значились все ближайšie к месту преступления объекты. Подключив к поискам пятерых местных оперативников, удалось подробно опросить двести три человека. Результат минимальный. Одной старухе в ту грозовую ночь почудилось, будто в дверь ее квар-

тиры ломится неизвестный. То ли обобрать хочет до нитки, то ли изнасиловать... Бабка залезла под железную кровать и пролежала под ней, пока в окне не забрезжил свет.

Еще есть протокол допроса трех подростков, сидевших той ночью в подъезде одного из домов. Через окно парадного на третьем этаже они видели, как через сквер плетется мужчина. Неподалеку горел фонарь, на небе плясали вспышки молний, поэтому видимость была сносной. Со стороны казалось, что тот мужик здорово накачался в местной забегаловке. Он шел нетвердой походкой, сильно припадая на правую ногу. Раз он остановился, ухватившись рукой за дерево, простоял некоторое время. Сделав пару шагов, неожиданно повалился на мокрую землю и пролежал минуты три-четыре. Он не просто лежал – он поднял кверху правую ногу, согнув ее в колене, и, кажется, пытался замотать тряпкой или еще чем. Потом долго не мог встать. Все хватался за ствол березки и снова падал в грязь. Когда мальчишки в очередной раз выглянули в окно, человек исчез. Утром следующего дня, узнав о трагедии, они посоветовались и решили не ходить в милицию. Начнутся вопросы: что и как... Надо отвечать правду.

Тот странный мужчина был среднего роста, чернявый, одет то ли в куртку, то ли в пиджак. Как утверждает один из парней, самый глазастый, нос у мужика длинный, с горбинкой. Похоже, именно этот человек был ранен в подворотне. Капитан Сыч направил запросы во все близлежащие больницы, медицинские пункты и два дома отдыха. И получил ответы: человек с огнестрельным или ножевым ранением бедра за помощь в течение последней недели не обращался.

Лейтенант Сыч придвинул ближе вторую тетрадку.

– Вот что нам осталось на сегодня. Не так уж много.

Он перевернул листок, показав Девяткину список жильцов, которых не удалось опросить в предыдущие два дня. Над этим списком Сыч трудился весь вчерашний вечер, сверяя свои записи с данными домовых книг, в которых значились все жители района.

– Да, всего в твоём списке двенадцать душ, – кивнул Девяткин. – Только вряд ли найдем хоть одного свидетеля.

– Это почему же?

– Из двух ближних домов мы опросили всех жильцов, – ответил Девяткин. – Что в остатке? Смотри. Все неопрошенные граждане из твоей тетради – жильцы домов тринадцать, пятнадцать и семнадцать. А ближайший из этих домов примерно в двухстах пятидесяти метрах от места происшествия. Может, эти люди что и слышали той ночью – выстрелы и все такое... Но видеть уж точно ничего не могли.

– Есть одна зацепка, – возразил Сыч. – Вчера мои парни опрашивали одну старуху из пятнадцатого дома. Она рассказала, будто ее сосед, некий Петр Афонин, той ночью вернулся в аккурат в час тридцать. Весь мокрый, бледный как полотно, в руках ведро с семечками. Не поел, не обсох. Нырнул в свою комнату и свет вырубил.

– Что за персонаж?

– Сорок с гаком. Разведен. Дважды судим: за воровство и за то, что на рынке избил доской женщину. Доска заменяла Афонину прилавок. Женщина, получившая травму, теперь страдает провалами памяти и заговаривается. На следствии показал, что та покупательница якобы украла горсть семечек из мешка. Первый наш визит – к нему.

– Согласен, – кивнул Девяткин.

* * *

Афонин слушал радио и мысленно прикидывал, каков размер убытков, понесенных из-за того досадного недоразумения. Когда среди ночи он увидел, как натурально убивают ментов.

То был самый обычный серый день, каких в году без самой малости триста шестьдесят пять. На рынке клиент шел плохо, да и семечки из старого запаса оказались совсем паршивыми,

мелкими и грязными. Под конец дня Афонин стал волноваться, выручит ли он сегодня хотя бы на бутылку и закуску. Когда рынок закрылся, он пересчитал деньги. Тяжело вздохнув, взял синее эмалированное ведро, в котором осталось половина семечек, и пошел в сторону станции.

Усталый и раздраженный, он завернул в пивную, взял двести водки, кружку пива и двойную порцию пельменей. Жратва оказалась несъедобной, вроде тех семечек, что он толкал на рынке. Кажется, пельмени сделали из мяса дохлой собаки и черного перца, перешибавшего запах падали. Но под водку и такая закуска пойдет. Утолив голод, Афонин задремал в углу. И проснулся, когда за окном было темно и сыро, а здешняя уборщица тетя Паша, неопределенных лет женщина, иссохшая без мужниной ласки, толкала его в плечо. Мол, просыпайся.

Он вышел под дождь, проверил, плотно ли сидит на ведре крышка, а то, не ровен час, семечки промокнут. Тогда хоть выбрасывай. И направился в ближний магазин в надежде купить домой бутылку водки и пару банок кильки, но все ближние к станции магазины оказались уже закрыты. Часов на руке не было – они сломались в прошлом месяце, а новые купить все недосуг. Он блуждал по улицам, стараясь понять, который сейчас час. По всему выходило, что уже за полночь. Потеряв надежду разжиться водкой, Афонин повернул к дому и еще четверть часа плутал в лабиринте темных переулков.

Неподалеку от дома на противоположной освещенной стороне улицы он заметил женскую фигурку в плаще. Точнее, обратил внимание на ярко-красный зонт, что баба держала в руках. В ту минуту Афонин, будто почуяв близкую неосознанную опасность, остановился. И тут увидел человека, который быстрым шагом нагонял женщину. Афонин замер, тихо поставил на мокрый асфальт свое ведро, сел на него. Теперь он был защищен от чужих взглядов передком какой-то темной машины.

Со своего места он отчетливо видел, как мужчина нагнал ту бабу, схватив за рукав, развернул лицом к себе. Женщина вскрикнула, но крик тут же оборвался: мужик с разворота дважды ударил ее кулаком в лицо. И, широко размахнувшись, снова ударил. Женщина выпустила из руки зонт. Оседая на асфальт, повернулась к незнакомцу вполборота. Тогда мужик сбоку долбанул свою жертву по затылку каким-то продолговатым предметом. Это был сильный прицельный удар, который не выдержит хрупкая затылочная кость.

Афонин хотел, бросив ведро и семечки, бежать без оглядки, в ночь, в темноту, куда ноги унесут. Но ума хватило понять: этим бегством он себе хуже сделает. Вжав голову в плечи, будто сам боялся получить удар по затылку, он согнулся на своем ведре. Легкое опьянение уходило, а вместо него начинался жестокий озноб, когда помимо воли трясутся руки, ноги, шея и даже нижняя челюсть. Точно зная, что с другой стороны улицы его не видно, Афонин продолжал сидеть, не двигаясь.

– Господи, – шептал он синими от холода губами. – Господи, спаси и сохрани.

На минуту показалось, что все кончилось. Но в темноте на залитой дождем улице происходила какая-то непонятная возня. Куда-то пропал тот мужчина в черном плаще, напавший на женщину. Вот где-то рядом, на другой стороне, тихо заработал автомобильный двигатель, машина задом сдала к арке. Но вдруг остановилась. Погасли фары, а за ними – габаритные огни.

И вдруг возле тела женщины, лежавшей у подворотни, появился какой-то хрен собачий. Из одежды на нем – заляпанная краской куртка, вытянутые на коленях штаны. Судя по виду, строитель. Этого работягу видел человек, напавший на женщину и теперь сидевший в машине. Строитель схватил дамскую сумочку, сунул ее за пазуху. Наклонившись, взял на руки женщину, поднял и понес ее в темноту арки, где, видимо, было сухое место. Несколько минут ничего не происходило. Машина с выключенными фарами стояла на том же месте, лил дождь и светил одинокий фонарь на столбе. Тот работяга с женщиной исчез в арке. Афонин ждал подходящего момента, чтобы улизнуть, но человек в машине мог заметить движение. Оставалось набраться терпения и помолиться.

– Господи, – повторял Афонин. – В бога душу твою мать...

Казалось, самое страшное позади. Но тут послышался шум мотора уже другой машины – милицейских «Жигулей» с белой полосой на кузове. Машина проехала арку, неожиданно дала задний ход, остановилась. Афонин скорее угадал, чем увидел, что менты где-то рядом. И тут же услышал: «Стоять! Ни с места!» Началось какое-то движение. Послышался голос того работяги, баритон с густым кавказским акцентом: «Это вы мене... Это для мене... Это мне?» Мент что-то крикнул. Раздался пистолетный выстрел. Но острый взгляд Афонина был направлен на машину, где затаился человек, напавший на женщину.

Вот бесшумно приоткрылась дверца, мужик ступил на мостовую. Раскрыл полы плаща, вытаскивая оружие. Афонину, промокшему до нитки, мучительно хотелось чихнуть. Он подумал, что, если только пикнет, если издаст хотя бы шорох, – не проживет и минуты. Он зажал нос и рот ладонью другой руки. Задержал дыхание. В это мгновение ударили выстрелы. Сначала пистолетный, затем рассыпалась дробь автоматной очереди.

– Господи, сохрани...

Чудом не повалив ведро, Афонин распластался на асфальте, решив, что теперь смерти не миновать. Свет не загорелся нигде: разбуженные выстрелами люди боялись подходить к окнам. Афонин лежал на асфальте, зажав голову ладонями. Он видел, как из той самой машины вышел второй мужчина. Вдвоем убийцы вынесли женщину из подворотни, открыли багажник и засунули в него тело жертвы. Через несколько секунд все стихло: машина тронулась и пропала в темноте, только на асфальте возле арки лежали неподвижные тела ментов. И в глубокой луже ручкой кверху плавал красный зонт.

Афонин, скованный страхом, еще не веря в чудесное спасение, поднялся, согнул спину и, подхватив ведро, короткими перебежками кинулся к дому. Следующую ночь он, насмерть перепуганный, прятался на кладбище. Все казалось, бандиты станут его искать, обязательно найдут, и тогда... Об этом даже подумать страшно. На третий день страх немного развеялся. На пятый день жизнь вошла в привычное русло. Афонин даже съездил к знакомой проводнице на вокзал и купил для перепродажи мешок семечек.

Теперь он пребывал в уверенности, что та ночная история кончилась благополучно, а ему чудом удалось вывернуться из кровавой переделки.

* * *

Хозяин юридической фирмы Юрий Семенович Полозов поднялся навстречу Радченко, с чувством потрянул руку.

– Выглядишь неплохо, – сказал Юрий Семенович. – И лапа крепкая. Да, набрался силы на американских харчах.

Он кивнул на стол для посетителей, мол, устраивайся. Радченко присел на мягкий стул. Полозов открыл папку и, вытащив блокнот с записями, коротко изложил суть дела. Пока Радченко крутился в Америке, в Москве произошли события, изменившие всю расстановку сил. Да что там... Дело перевернулось с ног на голову. В парке возле ветеринарной академии было обнаружено тело женщины, которая, по данным милиции, погибла в результате нападения неизвестных злоумышленников. На следующий день в лефортовском судебном морге бизнесмен Леонид Солод опознал в убитой женщине свою жену Аллу Носкову. О чем составлен соответствующий протокол, подписанный Солодом и прокурором третьего класса Павлом Ковалем. Свои подписи также поставили понятые: санитар морга и водитель.

Смерть Носковой наступила в результате тяжелой черепно-мозговой травмы и отека мозга. Были похищены деньги и ценности: золотая цепочка, кулон с камнем красного цвета и кольцо с бриллиантом – его Солод подарил жене полгода назад на день рождения. Через два дня тело покойной было выставлено в траурном зале одного из московских моргов. Попрощаться

с убитой пришла ее тетка Вера Сергеевна, три школьные и две институтские подруги. После прощания тело было кремировано. По свидетельству присутствующих, вдовец был безутешен. По словам самого Солода, в свое время жена, если с ней что-то случится, просила кремировать ее тело. И он выполнил волю Аллы.

Важно и то обстоятельство, что во время вскрытия внутренние органы Носковой не изымались. Не было подозрений на отравление или смерть по иным причинам, поэтому химическую и токсикологическую экспертизу не проводили.

– Если бы внутренние органы изымали для анализа, мы бы выиграли партию, – сказал Полозов. – Можно было бы назначить экспертизу ДНК и доказать, что кремированная женщина – не жена господина Солода. А кто она... То есть кем она была при жизни, – установит следствие. Но теперь следствия не будет.

– Точно, не будет, – повторил Радченко.

– Как ты знаешь, по нашим законам юридическая смерть человека приравнена к физической смерти. Милиция пальцем о палец не ударит, потому что официально Аллы Носковой нет в живых. Солод инсценировал смерть жены, убив другую женщину. Сделал он это своими руками или чужими – неважно. Важно, что официально Алла числится мертвой. Дело осложняется тем, что у живой Аллы нет документов. Временная справка, полученная в русском консульстве в Нью-Йорке, была изъята при въезде в Россию. Доказать, что Алла жива, будет чертовски трудно. Впрочем, я тебе легкой жизни не обещал. Ты еще каким делом был занят до тех пор, пока нам на шею не свалилась эта Носкова?

– Делом зубного врача, который уличил жену в измене, – ответил Радченко. – Супругу он не тронул, а любовника подстерег у подъезда. Когда тот появился, дантист достал с заднего сиденья машины ружье и выстрелил своему сопернику в зад из двух стволов.

– Надо было с жены начать... И что дальше?

– Он снарядил ружейные патроны не картечью и не дробью, а зубами пациентов, истолченными молотком. Зубы больные, с кариесом. Осколки глубоко вошли в мягкие ткани любовника. Пострадавшему провели несколько операций, извлекая фрагменты зубов. Но кариес проник в кровь, началось заражение. Операция следовала за операцией. Воспаление продолжалось, хотя раненому давали ведрами антибиотики. Короче, наш любовник скончался в невообразимых муках. Менты клеят стоматологу умышленное убийство приотягчающих обстоятельствах. Санкция – от десяти и выше. Я переквалифицирую убийство на нанесение вреда здоровью по неосторожности. Он получит три года с отсрочкой исполнения наказания и будет освобожден в зале суда.

– А что, этот стоматолог – хороший врач?

– Говорят: так себе. Звезд с неба не хватает.

– Тогда пускай ему дадут по справедливости: десяточку, – засмеялся Полозов. – Не умеет лечить – пусть в тюрьме сидит.

– Что?

– Проснись, Дима. Я шучу. Передашь дело стоматолога Сульдину. Если, конечно, он к концу рабочего дня не надрался. Наш ветеран вывезет любое средненькое дело. До сих пор вожусь с этим алкоголиком, потому что у него опыт богатый. И связи есть в арбитражном суде. Старик с блеском выступал в уголовных судах, когда я только в школу пошел.

Полозов меланхолично постукивал о столешницу тупым концом карандаша, слушая подчиненного вполуха и думая о собственных проблемах. Утром он отвез в Шереметьево и посадил на самолет свою подругу, улетающую в Испанию. И теперь, вернувшись на службу, устроившись в кожаном кресле, не знал, радоваться ли свалившейся свободе или встретить разлуку скорбной грустью. С одной стороны, Соня хорошая девушка, порядочная и добрая. И семья у нее хорошая. Отец – первый заместитель министра, и дядя – шишка в Газпроме. С другой

стороны, хороших девушек много. Особенно если ты сам обеспеченный человек и к тому же не жадина.

Роман с Соней затянулся на целых семь месяцев. Это долго. Обычно Юрий Семенович давал отставку своим барышням по истечении трех месяцев с начала близких отношений. Это было раз и навсегда усвоенное твердое правило – три месяца, и никаких исключений. Если затянешь отношения, трудно будет потом отделаться от навязчивой поклонницы. Многие молодые красотки при ближайшем рассмотрении – просто меркантильные шантажистки. У таких девиц вместо сердца камень, под которым живет ядовитая змея. Только одно и знают, только это и умеют: «Я беременна. Давай деньги. Подлец. Ты мне жизнь сломал».

Поэтому расставаться с любимыми надо быстро, без слез и сцен. Можно дать отступного, немного. Сумма подлежит обсуждению. Но в этот раз все зашло слишком далеко, кажется, Соня испытывает к Полозову неподдельное нежное чувство. Но хуже всего – что он платит ей той же монетой. Полозов был дважды женат, оба раза неудачно. Испытывать судьбу в третий раз – выше его сил.

Надо кончить все одним махом. Позвонить и коротко, очень сухо, сообщить Соне, что у него другая женщина, которая... к которой... С которой все очень серьезно. И уже давно. Подробности не имеют значения. Соня все поймет без долгих объяснений, и любовь растает, как копеечное эскимо жарким днем.

* * *

Приняв решение, Полозов повеселел.

– Эх, Дима, завидую я тебе, – сказал он. – Везет человеку на интересные дела. Вечно рядом с тобой симпатичные девочки, опасность и адреналин. А тут сидишь за столом, проки-саешь и думаешь, что старость подкрадывается неслышными шагами. Она уже стоит сзади, за спиной. И готова накинуть удавку на шею. Такие невеселые дела... А тебе снова повезло. Попался интересный соперник.

– В каком смысле?

– Этот Солод – крутой мужик. Настоящий боец, а не тряпка. Он умеет жить, нравится бабам. У него темное прошлое. Поговаривают, в молодые годы столько крови пролил, что сам в ней едва не утонул. На Западе он внесен в черный список. Его подозревают в рэкрете и отмывании грязных денег. Ему закрыли въезд в десять цивилизованных стран и в тридцать более-менее цивилизованных. Словом, у тебя классный противник, с которым не стыдно помериться силами. В былые времена он приходил к бизнесменам, когда его никто не звал, и говорил: «Партнеров не выбирают. Теперь мы работаем вместе».

– У меня другое мнение, – отозвался Радченко. – Пока я не могу даже поговорить по телефону с этим навозным жуком. Я уговорил Аллу позвонить ему. А Солод, услышав ее голос, сказал: «Мадам, вы обознались. Моя жена скоропостижно скончалась. Попрошу больше не беспокоить». Бросил трубку и отключил телефон. Да, курица снесла яйцо, а оно тухлое. И шансы у нас мизерные.

– Шансы я пока не оценивал, – нахмурился Полозов. – Но запомни: отец этой Аллы – один из наших лучших клиентов. Это даже не клиент – это икона. Которую надо повесить вот в том светлом углу и молиться на нее хотя бы пару раз в день. Сейчас, чтобы восстановить справедливость, Носков готов на любые траты. Он любит дочь. И очень сердит на Солода, которого в прежние времена считал за сына. Тебе обломятся шикарные премиальные. В расходах не стесняйся. Могу приставить к Алле охрану...

– Этого не требуется, – покачал головой Радченко.

– Знаешь, что погубит Солода? – спросил Полозов. – Жадность. И убеждение, что ему все позволено, потому что он богат, его все якобы любят. Он ошибается: богатых людей любят

только налоговое ведомство и молодые подруги. И те – не бескорыстной любовью. Хотя... Бескорыстной любви в природе вообще не существует.

– Готов поспорить.

– А ты не спорь с начальством. По брачному договору, составленному уже после свадьбы Солодом и Аллой Носковой, все деньги, полученные от отца, она отдает в доверительное управление мужу. Позднее Алла подписала все бумаги, законным образом оформив передачу имущества. Фирмы Носкова, действующие на территории России, передала тому же Солоду. Видимо, между Аллой и Солодом была любовь. Большая любовь. Которая кончилась. А деньги остались у бывшего мужа. Оспорить брачный договор сейчас невозможно. Что же нам остается? Твои мысли?

– Можете устроить мне встречу с Солодом?

– Попробую, – кивнул Полозов. – Интересно, что он проблеет. Я встречал этого типа. И не где-нибудь, не в пивном баре, а, между прочим, в Доме правительства. Он выходил из приемной очень высокого чиновника. Да, такого парня из пушки не прошибешь. У него связи, деньги, гонор... Впрочем, чем черт не шутит.

Глава 5

Солнце скрылось, и стал накрапывать дождь, когда машина Радченко, пробившись через московские пробки, выехала на Рублевское шоссе. Еще через полчаса Дима миновал Жуковку и свернул налево. И оказался на узкой пустой дороге, зажатой между каменными заборами высотой с трехэтажный дом. По крыше автомобиля барабанили дождевые капли; где-то далеко, за заборами, лаяли собаки.

Здесь, справа и слева, лежала самая дорогая в России земля. Здесь, отделенные от большого человеческого мира собаками, современными средствами электронного наблюдения и охранниками, вооруженными автоматическим оружием, жили богатейшие люди страны. За этими заборами протекала жизнь их детей, жен, слуг, поваров, садовников. Много лет назад, когда Жуковка и ее окрестности еще не стали вотчиной мультимиллионеров, а большой кусок земли запросто мог купить хозяин какого-нибудь промтоварного магазина или булочной, сюда из Москвы переехал отец Аллы Носковой. По его проекту был построен просторный дом, разбит зимний сад, а в выкопанный пруд пустили карпов.

Позднее земельные владения расширил зять Носкова, Леонид Солод. Он прирезал большой участок, купив землю, на которой располагались дачи Российской академии наук и каких-то исследовательских институтов. Обнес поместье неприступным забором, построил два одинаковых двухэтажных флигеля, облицованных мрамором и темным английским кирпичом «под старину». Двускатные крыши покрыли испанской черепицей. Торцевые стены флигелей украшали цветные витражи, а фасады – высокие готические окна. Теперь эти сооружения здорово смахивали на католические церкви. Под землей Солод устроил кегельбан и тир, где практиковался дважды в неделю, стреляя по мишеням из карабинов и пистолетов.

Подъехав к воротам из кованых чугунных палок, украшенных вензелями и рыцарским щитом, Радченко опустил стекло и вложил в руку охранника паспорт. Человек исчез в будке. Дима ждал, когда охранник вернется, и думал, что Солод устроился тут основательно, надолго. Строил все это не на продажу – для себя, для долгой счастливой жизни. Человек выбежал из будки и, когда створки ворот разошлись в стороны, показал, куда надо ехать.

Вскоре Дима оказался в просторной приемной правого флигеля. Его встретила немолодая секретарь, одетая скромно, словно сельская учительница, и начальник охраны Вадим Гурский. Это был дюжий мужчина лет сорока пяти, в темно-синем костюме и желтом французском галстуке. Он предложил гостю оставить на столе для посетителей все электронные приборы, от портативного компьютера до мобильного телефона.

– У меня только это, – Радченко выложил телефон в кожаном чехле.

– Тогда прошу сюда.

Радченко прошел через двойные двери из мореного дуба и оказался в огромном зале, где можно было спокойно кататься на машине. Вдоль стен высились застекленные шкафы, забитые книгами с золочеными корешками. Достать книжку с верхней полки без помощи пожарной лестницы, пожалуй, было бы весьма затруднительно. Возле задней стены возвышался массивный письменный стол, за которым запросто расселись бы человек двадцать, и еще осталось бы место для пятерых. Над столом и книжными шкафами переливался цветными стеклышками витраж с церковным сюжетом: человек с непокрытой головой, в темной рясе священника держал в левой руке толстую книгу. Ладонь правой руки священник поднял, будто благословляя кого-то невидимого.

* * *

Афонин допил чай, когда в прихожей тренькнул звонок. Темным коридором он подкрался к двери, глянул в глазок и, увидев милицейский картуз, помертвел сердцем. Попятился задом, но мент с другой стороны постучал в дверь тяжелым сапогом.

– Открывай, Петя, а то дверь вышибу.

– Я уж бегу, открываю, – заволновался Афонин. – Уже тут.

Он повернул замок, пропуская в коридор двух гостей. Капитана Сыча он узнал сразу, а вот второй мужчина, одетый в гражданский костюм, раньше на глаза не попадался. Афонин провел гостей в комнату, насквозь пропахшую жареными семечками и папиросным дымом, усадил Сыча на кровать, сам устроился на табурете. Другой гость сел на стол.

Афонин почти без запинки ответил на все вопросы: имя, год рождения, разведен, детей нет, был осужден за кражу, в настоящее время судимость снята... И прочая чепуха. И тут, болтая языком, запоздало вспомнил, что большую банку из-под кофе, куда последние три года складывал все сбережения, по дурости оставил под кроватью. Ту банку Афонин прятал на заднем дворе за дровяным сараем. Там люди не ходят, а укромных мест много. А вчера принес банку, чтобы сунуть в нее дневную выручку, и не успел перепрятать.

– Значит, до сих пор без работы болтаешься? – спросил Сыч.

– В настоящий момент занимаюсь коммерцией, – с достоинством ответил Афонин. – Я бизнесмен.

– И как же ты копейку зарабатываешь?

– Торгую семечками на здешнем рынке, – бездумно бухнул Афонин и понял, что попал в сети, расставленные ментом.

– И много денег намолотил? – живо заинтересовался Девяткин. – Давай вместе посчитаем. Люблю я это дело, бабки считать. Ну, где они у тебя?

– Нет у меня никакого дохода, – Афонин готов был заплакать. – Одни убытки и слезы.

– Отлично. Тогда клади на стол санитарную книжку. И не забудь разрешение на торговлю от администрации рынка, – скомандовал Сыч. – Что смотришь? Живо.

– Да я пока не успел ничего оформить, – заюлил Афонин. – Только начинаю дело. Приглаживаюсь, что и как. Уровень цен, конкуренция и всякое такое... Бизнес, понимаешь ли...

– Ладно, – Девяткин кивнул на полмешка семечек у подоконника. – Заплатишь штраф за незаконную торговлю. Тут, в твоей конуре, проведем обыск. Изымем предмет торговли, то есть вот эти семечки, и всю незаконную выручку. А вот капитан Сыч устроит тебя в кондей. Суток на пятнадцать, я так полагаю.

– Говорю же: нет сейчас никакого бизнеса! Семечки мои вам покоя не дают... Может, если бы жена не умерла от рака, если бы жива была... Тогда б я, может, золотыми кольцами торговал.

И замолчал, смахнув со щеки слезу. Откашлявшись в кулак, слово взял Сыч.

– Тут добрые люди рассказали, будто ты последнее время любишь ночами гулять, – сказал он. – Даже в дождь на прогулку выходишь. Это правильно. Ведь здоровье у нас не государственное, его беречь надо. А в дождь-то воздух всегда свежий. Очень полезный воздух.

– Очень полезный, – кивнул Афонин.

– Слышал я, будто в ночь, когда милиционеров убили, ты тоже прогуливался... Где-то здесь, в этих местах.

Штраф и пятнадцать суток кондея, обещанные ментом, Афонина не слишком пугали. Но одна только мысль, что менты полезут под койку, найдут и откроют банку из-под кофе, обожгла кипятком. Там все деньги, скопленные на черный день. Он берег эту банку пуще глаза, пуще самой жизни берег. И вдруг такой облом на ровном месте! Афонина бросило в жар, а в

носу образовалась сырость. Он вытер рукавом пиджака нос, посмотрел на Сыча, затем перевел взгляд на другого мента. Этот, видно, из Москвы. Костюм модный и ботинки дорогие...

– Глупости какие, – Афонин еще не выбрал линию поведения: то ли ему улыбаться, то ли слезу пустить. – Я ночами сплю. Креп...

Он еще не договорил последнего слова, как Девяткин ловко спрыгнул со стола, коротко замахнулся ногой и выбил табурет из-под Афонина. Хозяин комнаты, не успев вскрикнуть, рухнул на пол тяжело, будто мешок с камнями. Больно ударился плечом о доски, хотел подняться, но не смог. Незнакомый мент сначала наступил подметкой башмака ему на грудь, а потом сдвинул ногу вверх, на самое горло. И надавил так, что Афонин услышал странный нутряной треск.

Петр задыхался глубоко, хватая воздух раскрытым ртом, но воздуха все равно не хватало. Отсюда, с этой позиции стала хорошо видна жестяная банка, стоявшая в темном углу под кроватью. Горловина банки была обмотана изоляционной лентой, чтобы внутрь не попала влага или мыши не сдвинули крышку и не сожрали бумажные купюры. Теперь деньги мышам не достанутся, менты отберут.

Мент в штатском сильнее надавил подметкой ботинка на горло. И Афонин увидел перед глазами фиолетовые круги и мелкие блестящие звездочки. Язык распух и вывалился изо рта.

– Я скажу, – прошептал Афонин мертвеющими губами. Он задыхался, слова выходили неразборчивыми. – Все расскажу, что видел. Все... Только...

Девяткин отступил в сторону и приказал Афонину подняться и сесть на прежнее место.

– Ну, что ты хотел сказать? – спросил он.

– Мне кишки выпустят и разматают, если хоть слово вякну... – Афонин справился с одышкой. – Я все видел. С начала и до конца. И лица запомнил. Но одно только слово... И все кончится. Меня найдут, и тогда...

– Больно уж ты пугливый.

Девяткин подумал, что страхи свидетеля – не пустые фантазии. Он вопросительно посмотрел на Сыча. Тот почесал затылок и сказал:

– Есть у меня на примете один дом, на той стороне железной дороги. В рабочем поселке, да... Это километров тридцать отсюда. Место тихое, посторонних людей там не бывает. Дом сносить собираются, но это еще не скоро. Пара квартир освободилась. Ключи я достану. Афонин может пожить там некоторое время, пока бандитов не поймаем. Ни одна собака о том доме не знает. Ну? Твое решение?

– Только чтобы милиционеры меня охраняли, – Афонин захлюпал простуженным носом. – Вооруженные милиционеры. Иначе ничего не скажу. Я подышать не хочу. Я бизнес начинаю...

– Будут тебе охрана. Что теперь скажешь?

Афонин глубоко вздохнул и кивнул – мол, согласен.

* * *

Хозяин огромного кабинета вышел из-за стола, поправил бордовые подтяжки, приблизившись к гостю, протянул руку.

– Ну, привет юристам.

Солод был старше Димы лет на десять, немного выше ростом, шире в плечах и талии. Кожа обветренная, двойной подбородок. Крупные черты лица, русые волосы, зачесанные назад. Воротник белой рубашки едва охватывал могучую шею, на которой болтался какой-то нелепый очень короткий галстук. Одет был Солод кое-как, в мятую рубашку и простые брюки, на ногах вместо туфель кожаные тапочки с опушкой из кролика. Солод мог сойти за какого-

нибудь фермера или директора гуталинного заводика из глубокой провинции. Видимо, меньше всего он думал о своем гардеробе и о том впечатлении, какие производит на людей.

– Вообще-то я рад, что ты заглянул, – продолжил Солод. Могло показаться, что он дружил с Радченко долгие годы, а не видит его впервые в жизни. – Молодец, что нашел время... Да... Хочешь чего-нибудь перекусить или...

– Нет, спасибо.

– Тогда давай прямо сейчас разрулим это чертово недоразумение. – Голос у Солода был выразительный, глубокий с хрипотцой баритон. – Я в курсе всех дел, поэтому не будем тратить время на пустой треп. У меня есть сорок минут. Ровно в три должен быть там. Ну, на самом верху. Ты понимаешь...

Он поднял палец к потолку, расписанному полуголыми дебелыми нимфами и кентаврами, пасущимися в райских кущах. Затем вытащил из брючного кармана массивные часы на длинной цепочке. Поднял золотую крышку, взглянув на циферблат, покачал головой.

– Падай вон туда, – он показал пальцем в угол, где стоял старинный диван на резных ножках из карельской березы, обитый гобеленовой тканью с мелким рисунком. – Я с утра говорил с твоим начальником... Ну, этим, хозяином вашей юридической конторы. Я так понял, он нормальный мужик, но чего-то не понимает. Немного отстал от времени. Как же его?..

– Господин Полозов.

– Вот. Точно. Он сказал, что ты толковый парень. Пока ты ехал, я постарался обдумать всю эту историю, весь этот чудовищный фарс. Поделюсь своими мыслями. Потом, если что-то будет непонятно, задашь вопросы. У тебя ее фото с собой?

Радченко выложил из портфеля на стол две фотографии Аллы. Одна карточка старая: Алла, одетая в сарафан, стоит возле молодой березки, на заднем плане лес. Второй снимок сделан где-то дней десять назад в Нью-Йорке. Алла выглядит усталой, под глазами темные круги, губы серые. Впрочем, узнать ее можно. Солод бросил взгляд на карточки и покачал головой.

– Я бы не сказал, что эта шмара – точная копия моей покойной жены. Но что-то общее есть. Что-то есть. Прости, мне трудно говорить, старик. Известие о смерти Аллы, опознание трупа, кремация... Слишком много для меня одного. Понимаешь?

Радченко молча кивнул.

– Алла была мне самым близким человеком. Боль эту не передашь словами. Такое ощущение, будто из тебя выпустили всю кровь до последней капли. И ничего уже не греет холодное сердце. А я продолжаю жить. Хотя сам не знаю, для чего живу. И, главное, для кого. Алла для меня была светом в окошке. Солнцем, которое светило даже ночью. И вдруг раз... Не стало ее. Не стало света, который грел меня каждый день...

Радченко, поставив портфель на колени, неподвижно сидел на диванчике и молчал. Похожую сцену он уже видел когда-то. По версии следствия, дело было так. Немолодой мужчина, в припадке ревности задушивший юную жену куском электрического кабеля, расчленил ее тело в ванной комнате. Вывез за город куски трупа и захоронил их в неизвестном месте. Следы крови первой группы были обнаружены в ванной комнате и на куске того самого кабеля. Когда началось следствие, муж пытался нанять хорошего адвоката.

Немолодой дядька сидел перед Димой и рвал на себе волосы, клялся в любви к молодой жене, стараясь убедить слушателя в своей невиновности. Радченко взялся защищать того типа, надеясь, что доказательную базу, собранную ментами, он развалит в суде за пять минут. Но уголовное дело не дошло до суда. Муж скончался в следственной тюрьме от язвенной болезни. А через пару месяцев ниоткуда появилась якобы убитая ревнивым мужем молодая жена. А с ней новый дружок.

– Расследование гибели Аллы только началось, – продолжил Солод. – И, возможно, подонков найдут. И вот в эту минуту, полную высокой скорби... Мне чертовски трудно гово-

рять... Но я все-таки закончу. В эту трагическую минуту мои враги решают добить меня. Они находят какую-то проститутку, похожую на Аллу. Они втягивают во все эти грязные игры Носкова. Впрочем, что возьмешь с этого человека... Без морали, без принципов. Старый идиот, который пропил свою совесть. И вот эта труппа, этот бродячий цирк устраивает представление. Точнее, надругательство. Я другого слова не найду. Именно надругательство.

– У Аллы на руках акт генетической экспертизы, – сказал Радченко. – Американские специалисты утверждают, что она дочь Носкова.

– Ты и без меня знаешь, что цена этой бумажки – пятак в базарный день, – поморщился Солод. – Тем более что и экспертизу делали американцы. А делать ее должны наши медики, на основании нашего судебного решения. Может, эта баба и вправду дочь Носкова. Я же не знаю, сколько у него было жен и сколько осталось детей. Наверное, и сам старик этого точно не помнит. Потому что давно из ума выжил. Пойми, они хотят отобрать у меня все, что я имею. Весь сыр-бор только из-за денег. Хороший совет: не лезь ты во всю эту грязь. На этом деле ты ничего не заработаешь. А в дерьме утонуть сможешь. Очень легко. И даже элегантно. Бултых... И пропал человек. Один запах остался, и тот неприятный.

– А если все же удастся доказать, что Алла жива и здорова?

– Исключено. На сто процентов.

– В жизни иногда случается невозможное, – упорно гнул свою линию Радченко. – Если все же удастся доказать в суде, что она жива, – ваши действия?

– Сколько? – Голос Солода сделался каким-то глухим. – Ну, сколько?

– Что «сколько»?

– Сколько стоит судебное решение в мою пользу? Назови цифру. Ты же юрист. Ты должен знать расценки. Например, сколько стоит чиновник городского уровня, сколько стоит решение правительства в чью-то пользу? Сколько стоит заказной сюжет на телевидении, статья в центральной газете? Во что обойдется арест конкурента? Силовой захват офиса? Возбуждение уголовного дела? И так, сколько?

– Не знаю. Я не покупаю судебных решений.

Солод поправил подтяжки, выпрямившись в кресле, включил лампу с матерчатым абажуром; снова дернул шнурок и погасил свет.

– Двадцать-тридцать тысяч баксов, – сказал он. – Всего-навсего.

– Тогда задумайтесь вот о чем: такой поворот событий не понравится отцу Аллы. Он богатый и влиятельный человек. Это только мое предположение. Мне кажется, что он это дело так не оставит. У вас возникнут проблемы.

– Старик уехал отсюда несколько лет назад, – лицо Солода оставалось непроницаемым. – Его отъезд больше напоминал бегство. Почему он уехал? Однажды к нему пришли авторитетные люди и предложили продать бизнес. По цене, которую назначит покупатель. Старик немного подумал и принял положительное решение. В ином случае он давно бы лежал на кладбище. Он заблаговременно вывез из страны свои сбережения, поэтому теперь он богатый человек. Там, у них. А здесь он никто и ничто. Здесь у него много врагов. А приехать в Россию, чтобы повидаться с покойной бабушкой, – все равно что подписать себе смертный приговор. Обрато в Америку он вернется без головы. И других частей тела. Он может отстаивать свои интересы через адвокатов, но все это пустая трата времени и денег. И старик это понимает. Вот так, и только так. А я живу в этой грязной помойке. Дышу этим отравленным воздухом. Знаю много людей, от которых зависят важные решения. Короче, не Носкову со мной тягаться.

– Жаль. Я думал, мы достигнем в переговорах хоть какого-то результата...

– Результат? – переспросил Солод. – Чтобы тебя не разочаровывать, будет результат. Скажем, такой. Хочу, чтобы ты запомнил мои слова и передал той психованной бабе вот что. Скажи ей: пока не поздно, пусть валит обратно в Штаты. Или еще куда. Свой гнев я сдержать смогу. Но у меня есть друзья, которые... Люди искренне переживают мою личную трагедию, как свою. За

них я не отвечаю, и сдержать их долго не смогу. Короче, скажи ей, что безопасность я гарантирую. Но только в течение пяти дней. Делаю это из гуманных соображений. Пять дней – это не так уж мало. А потом... Я противник насилия, всему есть предел. Вот это и есть результат переговоров.

– Больше похоже на угрозу.

– Наоборот, Дима. Пять дней – это мой подарок. Время пошло.

Солод поднялся, похлопал гостя по плечу и даже выдал из себя кислую улыбочку. Радченко подошел к двери, потянул на себя массивную латунную ручку. Но передумал и повернулся назад. Солод, скрестив руки на груди, стоял в пяти шагах за его спиной, словно ждал чего-то.

– Она беременна, – сказал Радченко.

Солод обмяк, переменялся в лице и сделал полшага назад. Но быстро справился с замешательством.

– Что?

– Я говорил в Штатах с врачом. В той клинике, где она лежала. Пятый месяц. У вас будут еще какие-то поручения или пожелания? Может, вам нужно время, чтобы все обдумать?

– Я не меняю решений, – голос Солода снова звучал твердо. – И передайте этой особе: пусть не злоупотребляет моим терпением.

Радченко вышел под хмурое дождливое небо, сел в машину и выехал на шоссе. Он думал, что сегодняшней день не прошел даром. Много прояснилось, встало на свои места. Надо действовать. Только вот со временем беда: за пять дней ничего не успеешь.

* * *

Строитель Ахмед Абаев проснулся от боли в ноге. Взял с тумбочки две обезболивающие таблетки, разжевал их и проглотил. Потом некоторое время лежал, наблюдая, как за окном светает. Он не дождался, когда боль немного утихнет. Легче не стало, и Абаев, хватаясь за края узкой кушетки и стену, поднялся на ноги и включил свет.

Под потолком вспыхнула хилая лампочка, прикрытая пыльным матерчатым абажуром. Комнатенка была крошечная; здесь едва помещалась кушетка, на которой даже худой невысокой девице будет тесно, у окна однотумбовый столик с поцарапанной полировкой и шкаф, сбитый из листов фанеры и покрашенный на скорую руку. На вбитых в стену гвоздях висела одежда: рабочая куртка и грязные штаны. А рядом – выходные светлые брюки и пестрая рубашка из ацетатного шелка. Абаев сел на табурет, снял повязку с раны. И поморщился от неприятного ударившего в нос запаха.

Ахмед успокоил себя мыслью, что плохо пахнет не простреленная пулей нога. Воздух в комнате почему-то всегда остается несвежим, затхлым, будто сидишь в мусорной яме. Наверно, канализационные трубы, которые проходят под квартирами первого этажа, подтекают, наполняя подвал дома зловонной жижей, а уж оттуда запахи расходятся повсюду. Ахмед стал разглядывать ногу, но при таком плохом освещении немного увидишь.

Больше его беспокоило даже не состояние раны, не боль, которая уже стала постоянной. Он стал замечать, что голова плохо соображает. Память сделалась мутной, как тот самогон, которым торгует бабушка Маруся, хозяйка квартиры. Захочешь что-то вспомнить, скажем, имя младшего сына, – и словно беспомощность накатывает. Потом память возвращается, но спустя время снова подводит. В другой раз он не может назвать имя старшей жены, что живет в городе Баку.

Третьего дня он дал денег бабушке Марусе, чтобы сходила в ближайшую аптеку и принесла еще бинтов, обезболивающих таблеток, мазь, что помогает при воспалениях, и палку. Передвигаться самостоятельно стало настоящим мучением. Старуха спросила, не вызвать ли

врача. Квартирант целыми днями пластом лежал в своей комнате, почти ничего не ел и только хлебал холодную воду. Ахмед ответил, что ногу он ударил на рабочем месте, на стройке. Это всего лишь ушиб, врач тут без надобности, надо отлежаться недельку – и все пройдет.

Бабка перекрестилась шепотью, принесла все, что он велел, и теперь Ахмед мог передвигаться по квартире с палкой, не испытывая острой боли, от которой спина покрывалась потом, а голова кружилась. Подтянув трусы, он доковылял до туалета, включил свет. Открыл кран и, впад в состояние тупого оцепенения, долго наблюдал, как вода льется в раковину.

Потом, поборов слабость, сел на унитаз и осмотрел рану. Пуля прошла по касательной, чиркнув по внешней поверхности ляжки чуть выше колена, но не задела бедренную кость. Ахмед снова вспомнил темную дождливую ночь в Апрелевке, светловолосую женщину, лежавшую на асфальте. Такая красивая, что только при одном воспоминании об этой девке чувствуешь себя мужчиной, снова хочется ее...

А потом появились менты, начались крики, душу сковал страх. И наконец из темноты вылез человек с автоматом. Пуля обожгла ногу. Все-таки Ахмед молодец, что сумел, раненный, уйти от верной смерти. Он еще раз посмотрел на рану и ощупал ее края пальцем. Отек сделался больше, чем вчера, кожа на краях раны стала серой и дряблой, как намокшая газетная бумага. Видны волокна мышц в нездоровом серо-желтом налете. Если прикоснуться к коже, боль расходится по всей ноге, даже в спину отдает.

Наскоро умывшись, Ахмед вернулся в комнату, достал мобильный телефон и набрал номер поликлиники в поселке, что в десяти километрах отсюда. Там работал врач, который еще этой весной лечил земляка Ахмеда, когда того пару раз ткнули ножом пьяные подростки. Когда трубку сняли, Ахмед выяснил, что сегодня хирург Власов принимает с девяти утра до трех дня. Он дал отбой, посидел на табурете, собираясь с силами. И потом еще долго копался, надевая выходные брюки и рубаху. Наконец вытащил из-под матраса спрятанные деньги, дважды пересчитал их. И, сунув в карман двести пятьдесят баксов, вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

Ахмед добрался до поликлиники попутной машиной, поднялся на второй этаж и занял очередь. Когда он переступил порог кабинета, хирург Сергей Власов, плотный мужчина с круглой бритой наголо головой, внимательно посмотрел на пациента, улыбнулся и подумал, что прямо сейчас он неплохо заработает. Власов сказал медицинской сестре, чтобы сходила на первый этаж в регистратуру и принесла какие-то пустяки. Когда они остались вдвоем, Ахмед вытер мокрый лоб платком и, справившись с приступом слабости, выложил на стол конверт с деньгами.

– Вы лечили Рафика, а я его друг, – сказал он. – Меня пуля задела. Кость в порядке, но...

– Проходи в ту комнату, – сказал Власов. – Раздевайся и ложись на стол.

Он подошел к стеклянному шкафчику и, распахнув дверцы, нацедил в химическую колбу разведенного водой спирта. Влил жидкость в горло, подавился половинкой шоколадной конфеты. И, крикнув от удовольствия, потер ладони. Через десять минут врач закончил осмотр пациента, напоследок поковырял рану пинцетом и сказал:

– Раньше надо было приходиться. Зашить уже нельзя. Кожа дряблая, она не будет держать нитки. Лучше тебе в больницу отправляться. Прямо сейчас. Или так: я могу сюда «Скорую помощь» вызвать. Но врач «Скорой» обязательно свяжется с милицией – это железное правило.

– Не надо «Скорую». Скажи правду: это плохое ранение?

– Хорошего мало... – Врач намазал края раны йодом и стал накладывать повязку.

– Жаль, что нельзя в больницу, – сказал Ахмед. – Узнают менты, расскажут бандитам.

И меня грохнут. Добьют прямо там.

– Я назначу антибиотики. И еще мазь.

– Рецепт дадите?

– Никаких рецептов. Лекарство тебе отпустят в нашей аптеке внизу. Возьмешь две пачки. И тюбик мази. Четыре таблетки в день. Если послезавтра боль не утихнет, удвоишь дозу. Если и это не поможет, звони мне. Записывать ничего не буду. Запомятай наизусть.

Врач трижды продиктовал название лекарства, номер мобильного и добавил:

– Сюда больше не показывайся. Позвонишь. Если станет хуже, я приеду сам. Один мой визит – триста колов. Годится?

– Рублей? – с надеждой переспросил Абаев.

– Не смейся мою задницу. Долларов, разумеется.

– Годится, – Ахмед сглотнул горькую слюну, мысленно подсчитывая и пересчитывая деньги, что удалось отложить для поездки на родину. Триста долларов – это целое состояние, несметное богатство, но жизнь – она всего одна. Она стоит этих денег.

– Только, пожалуйста...

– Об этом не волнуйся, – сказал хирург. – Я с ментами не контакту.

Власов еще раз повторил номер мобильного телефона и проводил пациента до двери кабинета.

Глава 6

Стас Гуляев проснулся внезапно, будто кто-то толкнул его в плечо. Разлепив тяжелые веки, обвел взглядом потолок незнакомой комнаты, окно и плотно задернутые портьеры. На противоположной стене – плохо различимая в полумраке картина в золоченой раме. Что-то такое на тему природы: солнце, а внизу нечто зеленое. То ли лес, то ли болото. Рядом с картиной тикали настенные часы, но разобрать, сколько времени, не представлялось возможным: серебряные стрелки сливались с одноцветным циферблатом.

Стас повел ухом. Из соседней комнаты доносился приятный мужской голос:

– Прокурор заявил, что останки тел, обнаруженные на пепелище дома престарелых, будут направлены на экспертизу. В настоящее время определить, сколько именно стариков погибло при пожаре интерната, не представляется возможным.

На прикроватной тумбочке лежала книга «Практикум гипнотизера» и стоял стакан воды. Перевернувшись на бок, Стас зажал стакан в неверной слабой руке, поднес к сухим губам. Вода отдавала хлоркой, будто ее налили из общественного бассейна. Стас выпил все содержимое в три жадных глотка. Опустил голову на подушку и тихо застонал. Что это за мужик трындычит в соседней комнате? И о каком пожаре речь? Впрочем, черт с ним, с пожаром. Вот главный вопрос: где находится Стас, что это за комната, что за кровать? И вообще непонятно, на каком он свете. На этом? Или уже... сам того не заметив, отошел в мир иной. Стас долго смотрел на серый потолок, будто надеялся увидеть на его плоскости ответы на свои вопросы. Но ответов не было. Тупая боль в голове не ослабевала, память, в которой плохо отпечаталась картина вчерашнего вечера, оставалась мутной.

– Убийца успел совершить три выстрела с крыши дома, расположенного на другой стороне улицы, – сказал мужчина из другой комнаты. – Один из телохранителей прикрыл чиновника своей грудью, но было поздно. Исполняющий обязанности городского головы скончался в местной больнице, не приходя в сознание. Главный врач сообщил, что одна из пуль задела сердце...

«Конечно же, я в России, в Москве, – подумал Стас. – Где же еще?» Теперь память стала возвращаться, но медленно, по капле. Да, он в Москве. Где же ему быть? Он на квартире, куда притащил его Радченко. В проклятой душевной конуре, за порог которой лучше не выходить, потому что опасность буквально дышит в лицо. А человек не кошка, у него одна жизнь, а не девять.

Умирая от тоски и космической скуки, Стас просидел в этом клоповнике двое суток. Он терпел сколько мог. Листал старые журналы, пытался смотреть телевизор, вдыхая запах пыли и поднимавшегося с улицы бензинового смрада. Алла где-то пропадала целыми днями и возвращалась вместе с Радченко ближе к ночи. Вчера вечером Стас, измученный одиночеством, вышел прогуляться. И оказался...

Господи, как же назывался тот кабак? «Остров», кажется. Точно уже не вспомнишь. Играла музыка в стиле поп, а на сцене долговязая худая девица с острой лисьей мордочкой, лишенная даже малой капли сексапильности, высоко задирала костлявые ноги, похожие на ходули. Торчали острые ключицы, колени напоминали бильярдные шары, выточенные из желтой кости мамонта. Из одежды на танцовщице были прозрачные трусики, не прикрывавшие худосочный зад, и фиолетовый парик из нейлона.

Помнится, Стас, проглотивший пять порций водки с лимоном, пришел в восторг от этого жалкого зрелища. Он поманил стриптизершу пальцем, сунул ей в трусы десять баксов и послал вслед воздушный поцелуй. Деньгам девка обрадовалась, поцелуя не заметила.

И вот еще вопрос: как звали парня, который весь вечер шептал на ухо, что надо бы завалиться к чумовым девкам? Мол, они уже легли и просят. Он, Стас, слишком боялся венери-

ческих болезней и местных бандитов. И благоразумие взяло верх. Он позволил себе только два удовольствия: выпивку и ужин. Теперь эти удовольствия представлялись сомнительными. Водка оказалась самой паршивой, что можно было найти в Москве и ее окрестностях. А после ужина в желудке началось брожение, а затем тупая боль, которая не прошла до сих пор.

– Во время аварии погибло четверо случайных прохожих и два строителя, а также женщина с ребенком, оказавшаяся в месте падения башенного крана, – сказал мужчина из соседней комнаты. Голос его звучал ровно, он обволакивал, убаюкивал. – По утверждениям очевидцев, сильный порыв ветра сдвинул кран с направляющих. Тот накренился в сторону жилых домов. В этот момент из кабины выпал крановщик. Через несколько мгновений кран рухнул, зацепив стрелой шестиэтажный дом. Сейчас металлические конструкции крана убирают с проезжей части улицы. Крановщик, которого считали погибшим, не пострадал. Он лежал на куче песка. По предварительным данным, он был пьян...

Страшная мысль пронзила Стаса, будто к пятке поднесли оголенный провод, а электрический разряд прошел через плоть,шибанул в голову. Он подскочил на кровати, сунул руку под подушку. Пусто. Стас свалился на пол, встал на колени и начал шарить рукой под матрасом. На секунду перевел дух, вытащив большой бумажник бордового цвета с золотыми уголками. Дрожащими пальцами раскрыл его. И не смог поверить увиденному.

Господи, вот паспорт, вот две старые фотографии, вот бесполезный календарик на прошлый год. А где же кредитные карточки: Чейз, Фэст Кэпитал, ЮС Банк? Руки задрожали сильнее, Стас полез в другое отделение. Ничего – только разломленная надвое таблетка от изжоги. Потеряв надежду, он растянул «молнию» большого отделения: и здесь пусто. Ни одного доллара наличности. Если бы Стас не разучился плакать еще лет двадцать назад, он наверняка пролил бы пару скупых слезинок. Дорого же ему обошлась вчерашняя гулянка! А тот приятель, что предлагал отправиться к девочкам, запить и заторчать у них до утра... Тот гад все же добился своего: вытащил деньги и кредитки. И даже сунул бумажник на место.

Стас поднялся и, как был в одних трусах, чувствуя, что дрожь от рук перешла куда-то ниже, к коленкам, к стопам ног, – толкнул двухстворчатую дверь в соседнюю комнату. Так и есть: вчерашним вечером он оставил телевизор включенным.

– В ходе вчерашнего столкновения поездов пострадали шестнадцать человек, – в строгом костюме и галстуке, который вышел из моды лет двадцать назад, телевизионный диктор напоминал хранителя лавки древностей или гробовщика. – Один из пострадавших умер по дороге в больницу. Двое скончались прошлой ночью, не приходя в сознание. Еще восемь человек, по утверждению врачей, находятся в крайне тяжелом состоянии...

В кресле развалился Радченко; он положил ноги на кофейный столик, уставившись на экран, и пил воду из банки. Окинув взглядом фигуру Стаса, неодобрительно покачал головой:

– Ну, как здоровье?

– К черту здоровье... Меня обокрали. Вот...

Он бросил на стол пустой бумажник, подтянул красные в белый горох трусы, упал на стул. И, волнуясь, стал терзать телефонный аппарат, решив немедленно обзвонить банки и заблокировать кредитные карты. Голова работала плохо, из памяти выскальзывали какие-то важные цифры, но нужные телефоны он помнил твердо.

– Сэр, назовите, пожалуйста, четыре последние цифры номера вашего социального страхования, – в трубке слышался ровный голос банковского оператора.

– Моего? – не понимал Стас и еще сильнее волновался. – Моего страхования?

– Сэр, послушайте...

– Вы послушайте: у меня украли карточку вашего банка. Там кредитный лимит тридцать тысяч долларов.

– Сэр, я ничего не смогу сделать, если вы не назовете последние четыре цифры номера вашего социального страхования... Сэр, пожалуйста, вспомните...

Стас взял длинную паузу, уставился в потолок и назвал цифры. Голос оператора сделался человеческим. Дальше пошло легче, но везде говорили одно: получить новые банковские карты можно будет дней через десять. И то по возвращении в Америку. Когда разговоры закончились, Стас впал в глубокую грусть.

– По моим картам сделали дорогие покупки. Я потерял в общей сложности...

На листке бумаги он написал общую сумму потерь за вчерашний вечер и показал Радченко.

– Ничего себе, – сказал тот. – Ну, главное, что голова на месте. Теперь прими душ. Нам предстоит найти несколько подруг и друзей Аллы. Их адреса и телефоны у меня в кармане. До зарезу надо получить заявления этих людей. То есть письменно засвидетельствовать, что Алла жива и здорова. Хватит свидетельств трех человек. Как только соберем бумаги, пойдем в суд. Заручившись поддержкой свидетелей, докажем как дважды два, что женщина, найденная в парке мертвой и впоследствии кремированная, – это не Алла Носкова, а неустановленная гражданка, внешне похожая на Аллу.

– Понимаю, – кивнул Стас, занятый совсем другими мыслями. – А что это за ужасы по телику передавали? Шоу какое-то? Для тех, кто любит пострашнее?

– Обычные новости, – ответил Радченко. – Поторопись. Алла уже собралась и ждет внизу.

* * *

С утра по средам Леонид Солод устраивал прием посетителей. Он не пользовался своим парадным кабинетом, где недавно беседовал с Радченко, а давно уже выбрал для этих целей старое одноэтажное здание с осыпавшейся штукатуркой, ржавой железной крышей и высокой печной трубой, стоящее на дальних задворках усадьбы.

Сегодня все двигалось по раз и навсегда накатанной колее. В приемной собрались люди разного положения и достатка. Были тут городские чиновники, которые приезжали, чтобы решить какой-то мелкий вопрос – как правило, земельный. Попадались бизнесмены, эти обычно просили замолвить словечко кому-то из влиятельных знакомых Солода в Москве. Если Леонид Иванович брался помочь, то вопрос, который чиновники могли муржить годами, но не решить, оказывался улаженным всего за пять минут. Солод имел два с половиной процента от суммы каждого контракта, заключенного при его участии. Или сам назначал фиксированную плату за услугу.

Часами в приемной мучились хозяева небольших предприятий, которые Солод сначала дотировал, потом банкротил и прибирал к рукам за бесценок. Должники – самые большие зануды; они всегда просили отсрочку, хотя в глубине души понимали, что дышать им долго не дадут и лавочку прикроют до нового года. Да еще невозвратных долгов останется столько, что в пору не в чужой приемной околачиваться, а бежать за границу. Или гроб заказать.

Пока люди дожидались в приемной, Солод лежал на широком, очень низком топчане, обитом полосатой красно-зеленой тканью, и листал деловые бумаги. Он пристроил ноги на круглый твердый валик, такой высокий, что босые ступни оказались выше головы. Закинул ногу на ногу, иногда поднимал и опускал голову, которая покоилась на подушке с золотыми кистями. Переворачивая листы, позевывал. Распахивал шелковый халат и чувствовал, как кожу приятно холодит струя воздуха от направленного в его сторону вентилятора.

– Угу, вот как, – прошептал Солод. – Хм-м-м.

– Что-что? – подал голос посетитель. – Простите, не понял.

У противоположной стены на единственном скрипучем стуле с жесткими вытертыми до белизны подлокотниками сидел мужчина в твидовом костюме, галстук и темных туфлях. Это владелец крупного комбината строительных материалов, некий Василий Липатов, изнемогая от жары и духоты, дожидался, когда авторитетный акционер предприятия просмотрит финан-

совый отчет за первое полугодие. Обычно Солод такими пустяками не занимался – у него в кармане помещается много собственности, на него работают квалифицированные менеджеры. Если большой бизнесмен станет выполнять за своих клерков бумажную работу – какой он, к черту, хозяин?

Но тут случай особый, тут надо самому вмешаться. Комбинат в прошлом году на доллар инвестиций дал пять баксов чистой прибыли, дивиденды на обычную акцию составили... Солод присвистнул, вспомнив цифру. Когда в отрасли наметился спад, комбинат снова оказался курицей, несущей золотые яйца. Солод бросил папку с бумагами на пол, сделав вид, что чтение ему наскучило.

– Как Маришка? – спросил он.

В этой комнате Солод всегда разговаривал тихо, почти шепотом. Кроме того, он знал, что Липатов страдает жестокими приступами радикулита. Сделать резкое движение или согнуться в поясе для него всегда сильная, почти нестерпимая боль. Люди, попадавшие на прием, были вынуждены подниматься с того самого единственного стула, стоявшего у противоположной стены, делать несколько шагов в сторону топчана, на котором лежал хозяин, а потом низко нагибаться, потому что голос Солода был едва слышен. В таком полусогнутом положении про- ситель проводил большую часть времени.

– Что? – Не расслышав вопроса, Липатов подскочил на месте, вальсирующей походкой приблизился к лежаку. – Виноват, не понял?

– Маришка как? – еще тише, придушенным шепотом спросил Солод.

– Спасибо, что вспомнили... – Липатов, преодолевая боль в пояснице, склонился над Солодом. – Я ей передам. Как уж она рада будет! Как рада, когда услышит...

– А Коля как?

Липатов только по движению губ понял, что речь о его младшем сыне. Боясь пропустить новый вопрос, он застыл в неудобной позе, задом кверху и головой вниз. Кровь прилила к физиономии, которая сделалась розовой. Шея, перетянутая галстуком, налилась краснотой, рельефно выступили синие жилы.

– Спасибо, слава богу, – Липатов выдавил жалкую улыбку. – Двенадцать лет скоро исполнится. Я в следующем году собираюсь его в Англию отправить. Науки постигать. Там учителя отменные и всякое прочее... Пусть сорванец ума набирается.

Солод неопределенно хмыкнул. Можно было так понять, что учебу за границей он не одобряет. Липатов дал задний ход:

– Ну, с Англией еще ничего не известно. Да и чем их учителя лучше наших? Один пустой гонор. А деньги берут такие....

– Теперь о деле, – прошептал Солод. – У меня двадцать процентов акций комбината, у тебя двадцать шесть. Остальное у мелких акционеров и государства. Мне нужен пятьдесят один процент, не меньше. Тебе и десяти хватит. Ну, в деньгах ничего не потеряешь. Если будешь хорошо работать.

– Но как же...

– Хорошо работать и выполнять мои решения, – закончил мысль Солод. – В том месяце соберешь внеочередное собрание. Доведи до общего сведения: предприятию нужны инвестиции на развитие и оборотные средства. Поэтому необходима дополнительная эмиссия акций. Твоя задача – размыть долю государства и акционеров до пятнадцати процентов. Не больше. Понимаешь?

– Но акционеры... Может случиться большой скандал. Очень большой. С ними будет нелегко договориться.

– Мои ребята договорятся. Понял?

Липатов подхватил с пола папку и, пятясь к двери задом, пробормотал «спасибо» и «доброе здоровья».

Оставшись один, Солод придвинул ближе пепельницу, уже полную окурков, пустил дым и стал вспоминать, сколько лет знает Липатова. Но не вспомнил точную цифру. Лет восемь, не меньше. В пору их знакомства Липатов был преуспевающим бизнесменом, который высоко задирает нос, а на Солода глядел сверху вниз, словно на собачку, таскающую хозяину тапочки, или на безответного слугу. Он считал Леонида Ивановича человеком нечистым на руку, построившим карьеру за счет удачной женитьбы. Липатов отпускал в его адрес иронические, а порой оскорбительные замечания, думая, что друзья не донесут. В ту пору он совсем не разбирался в людях. Да и сейчас ничему не научился.

Если бы не помощь тестя, Солода близко не подпустили бы и к таким, как Липатов, и ему подобным персонажам. Гоношистая компания врашавшихся в самых высоких кругах, все они – члены Ротари-клуба и ряда других привилегированных закрытых сообществ. Теперь к Солоду отношение прямо противоположное. Тот же Липатов прекрасно знает, что старый знакомый может втоптать его в грязь. Может в этой грязи утопить. А может из нее вытащить. Поэтому и бегают на цырлах и, переступая этот порог, забывает о своем радикулите.

Да... Теперь пришла очередь Липатова приносить тапочки. Обещанные десять процентов акций он не получит, потому что Солод заберет предприятие целиком. Бизнес – это не женщина, он на двоих не делится. И на троих тоже не делится. Такие дела.

Солод перевернулся с боку на бок и подумал, что еще хорошо бы так устроить, чтобы Липатов лишился всего, что нажил. Два дома в Подмоскovie, несколько квартир в Москве, особняк на Кипре, вилла в Испании, дорогущая яхта... У Солода есть люди, которые позаботятся об этом имуществе. А еще лучше, чтобы Липатова, разоренного и униженного, морально раздавленного, еще и посадили. Хотя бы лет на пять-шесть. И загнали куда-нибудь подальше, в самую глухомань, на Колыму или в Магадан. Это не так сложно сделать. Да, Липатов ничему не научился. А еще сына собрался в Англию отправлять, на учение... Вот же гад. Сука драная...

Солод нажал на кнопку переговорного устройства, вмонтированного в спинку дивана, спросил, кто следующий. Секретарь назвала имя и добавила, что только что появились компаньоны Солода с важными новостями.

– Пусть зайдут, – сказал Солод. – Остальным – пока ждать.

* * *

В прихожей задремал звонок, из-за двери послышались шаги, и мужской голос произнес: «Иду, бегу». Дверь широко распахнулась. Хозяин квартиры на первый взгляд мог показаться довольно молодым человеком. Фасад портили профессорская лысина и очки в темной пластиковой оправе с толстыми линзами. Он сладко улыбнулся гостям, распахнул дверь еще шире:

– Пожалуйста, проходите. Ноги не вытирайте, у нас неубрано. Прошу за мной. А Ирочка звонок услышала и говорит: «Иди скорее, это наши дорогие гости пришли».

– Вы не беспокойтесь, – ответил Радченко. – Это не отнимет много времени. Четверть часа, не больше.

– Господи, хоть три часа. Хоть весь день. Времени не жалко, лишь бы все хорошо кончилось. Сейчас Ирочку позову. Лишь бы, как говорится, все хорошо...

По длинному коридору человек прошагал в просторную светлую кухню с балконом, усадил гостей за круглый стол, стоявший под люстрой. Еще раз извинился, что не прибрано. При дневном свете внешность мужчины виделась иначе: худое увядшее лицо с морщинами у глаз и рта, сутулая стариковская спина и покатые неразвитые плечи. Хозяин сказал, что сейчас принесет бумаги, и, суетливо замахав руками, словно мух отгонял, исчез в бездонной темноте коридора. Радченко крикнул вдогонку, что бумаги у них свои есть, но никто уже не слушал.

Дима потер ладони и сказал:

– А кто-то говорил, что будет трудно собрать заявления... Даже в наше сволочное время есть на земле хорошие люди. Они не вывелись, как тараканы под дустом. Не попрятались по темным углам.

– Я ничего такого не говорил, – отозвался Стас Гуляев. – Наоборот. Я сказал, что нет проще дела, чем взять у своих же знакомых заявления, что они тебя знают. Письменно подтверждают, что Алла – это именно Алла, а не Дунька с мыльного завода. И готовы засвидетельствовать данный факт в суде. Вот если бы Алла просила у подруги займы пятьдесят штук баксов... Тогда бы возникли некоторые затруднения.

Алла смотрела на огромный, почти в человеческий рост аквариум с китайскими рыбками, стоявший у дальней стены. Синие и желтые рыбы медленно скользили между гиляндами водорослей. Они останавливались и, замерев, сквозь плоское стекло смотрели на незнакомцев своими пустыми глазками, похожими на цветной бисер.

– Этого парня зовут Алексеем, – сказала Алла. – С его женой Ирой мы познакомились в байкерском клубе «Триумф». У нее был приличный дорожный мотоцикл «Хонда», и каталась она хорошо. Ирка смелая девчонка. А ее муж – он, кажется, научный работник.

Через минуту на кухню вошел Алексей. Остановившись перед столом, он разложил на нем чертеж, выполненный на большом листе кальки.

– Это поэтажный план, – объяснил он. – Тут обозначены все квартиры на нашем этаже. Комнаты, кладовые, санузлы и коммуникации. Вот это, обратите внимание, наша квартира. Лучшее расположение, окна только во двор...

– Простите, мы по другому вопросу, – сказал Радченко. – Вчера мы разговаривали по телефону. Ваша супруга Ирина хорошо знакома с Аллой. И я спросил, нельзя ли письменно засвидетельствовать...

Радченко не успел закончить фразу, когда в кухню вошла высокая женщина в майке без рукавов и коротких шортах. Она встала возле двери, прислонилась спиной к косяку. И, молча кивнув гостям, скрестила под высокой грудью длинные красивые руки. Она посмотрела на Аллу, кажется, хотела что-то сказать, но передумала и отвернулась, будто не узнала бывшую подругу. Радченко подумал, что с этой эффектной и, видимо, своенравной женщиной Алексею живется непросто. Очень непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.